

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S

СЕРГЕЙ ПАНЧЕНКО
БРАТ ВО ХРИСТЕ
ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

ИДДК

S-T-I-K-S

Сергей Панченко

**S-T-I-K-S. Брат во Христе.
Второе пришествие**

«ИДДК»

2018

Панченко С.

S-T-I-K-S. Брат во Христе. Второе пришествие / С. Панченко — «ИДДК», 2018 — (S-T-I-K-S)

Рэб не смог жить на Земле. Улей серьезно прописался в его ДНК и как только наступила известная дата переноса куска города в Улей, он без раздумий воспользовался этим шансом. В книге присутствует нецензурная брань.

© Панченко С., 2018

© ИДДК, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Панченко

Брат во Христе. Второе пришествие

© Каменистый Артём (Мир S-T-I-K-S, его устройство и терминология)

© Панченко Сергей

© ИДДК

* * *

Глава 1

Кровососушая тварь была где-то рядом. Примерялась к жертве, желая вонзить в нее свое жало с первой попытки. Рэб звериным чутьем определил, с какой стороны ждать нападения, и затаился. Тварь решилась. Ультразвуковой фон ее присутствия сменился полной тишиной.

Рэб звонко шлепнул себя по уху и проснулся. Включил лампу. На ладони остался след убитого комара. В открытом окне ветер мирно шевелил шторку и доносил с улицы стрекот сверчков. Рэб ухмыльнулся. Мгновение назад, во сне, он чувствовал себя зверем, готовым к схватке. Чертов Улей прописал свой код в ДНК, интерпретируя все что угодно – от сна до грозового раската – через призму странного мира.

Адреналиновый выброс заставил сердце учащенно колотиться. Рэб встал, прошел на кухню и поставил чайник. Пока тот грелся, он вышел на крыльцо. На дворе стояло жаркое оренбургское лето. В июле даже ночью не чувствовалось свежести. На короткое время перед рассветом становилось прохладнее, чтобы дать всему живому передышку перед следующими знойными сутками. Даже ветер в этих местах не приносил облегчения, только обжигал и сушил кожу.

Местные, казалось, не замечали суровости степного климата, каждый день в большом количестве приходили на набережную, гуляли, смеялись, фотографировались, покупали мороженое, катались на гироскутерах и велорикшах. Рэб вздохнул, представив, какая тяжкая участь ждет жителей этого города. Он был уверен, что они этого не заслужили.

В окнах спальни старухи, сдававшей ему «летнюю кухню», зажегся свет. Бабке не спалось. «Скорая» приезжала к ней по нескольку раз в месяц, как правило, по ночам. Рэб был уверен, что доводили ее до предынфарктного состояния собственные мысли, которым она предавалась во время бессонницы. Единственный сынок – алкоголик, жулик, не вылезающий из тюрем, – мотал матери нервы, а в промежутках между отсидками пытался наложить лапы на имущество матери и пустить ее по миру. Вряд ли старушка выдержала бы такой удар. Рэбу даже пришлось ее защитить однажды от наглого отпрыска. Несмотря на то, что он больше не был мутантом, где-то внутри он все еще ощущал себя им. Одного удара хватило, чтобы отправить сынка в долгий нокаут. После этого наглец не появлялся, но изводил мать звонками.

Рэб глубоко вдохнул ночной воздух, напоенный запахом остывающего дерева, железа и сушеной травы. На плите засвистел чайник. Рэб вернулся в свое жилище. Сердце успокоилось, но томление в душе осталось. Томление по состоянию зверя, в которое он перенесся во сне, – примитивное, но ясное и такое понятное и даже желанное. Рэб считал, что он превратился в адреналинового наркомана, снимающего потребность в естественном наркотике через схватку с мутантами Уля.

Будь сейчас у него связь с его друзьями из «Затерянного мира», они бы немало удивились тому, что ему удалось вернуться на Землю, и категорически не поняли бы его желания вернуться назад. А Рэб каждый миг своей жизни мечтал об этом, понимая всю противоестественность своих желаний. Улей изменил его полностью, заменил код в спиральной хромосоме ДНК, очистил от черствого налета душу, заставив ее сиять. Не было у Рэба ничего, что могло его держать на Земле, – ни родных, ни близких, ни какого-то вменяемого смысла. И если после указанной Варном даты этот кусок города не провалится в Улей, Рэба ждало темное бессмысленное будущее.

Рэб понемногу готовился к встрече с Улем. После продажи имущества денег у него было на маленькую войну. На эти деньги он купил списанный «бардак», оплатил его капремонт, переоборудование под свои нужды и поставил на консервацию в арендованном гараже неподалеку. Мобильность и бронированные стены на первое время могли гарантировать ему хоть какой-то шанс не попасть на зуб спешащим в переагруженный кластер мутантам.

С оружием было сложнее. Огнестрел он мог купить только охотничий и только гладкоствольный, от которого было много шума и мало пользы. Рэб обошел округу, но не нашел ни одной воинской части или нормального отделения полиции. Разжиться нарезным оружием мародерским способом после перезагрузки ему тоже не светило. Рэб все равно оформил охотничий билет и купил себе магазинное ружье двенадцатого калибра. Выглядело оно серьезно, но Рэб знал, что его заряды возьмут только совсем молодых мутантов. Оставалось надеяться на останавливающий шок тяжелой пули.

Из рессоры от грузовика один умелец изготовил Рэбу настоящий меч – тяжелый, с ухватистой рукояткой. Меч срубал молодые деревца без усилий и дарил надежду на то, что оружие последнего рубежа обороны сможет помочь в случае чего. Рэб сделал запас алкоголя – самую дешевую водку – на будущие коктейли «живца» из споранов.

Как-то поздно осенью, когда Рэб возился в гараже, в гости заглянул пацаненок лет восьми.

– Здравсьте! – первым поприветствовал он Рэба.

– Здорово!

– У вас, что, танк? – спросил любопытный мальчишка.

– Ну, почти. – Рэб оглядел свою технику. – Это боевая дозорно-разведывательная машина.

– У папки моего джип. Здорово-о-овый! – Пацаненок встал на цыпочки и поднял руки вверх, силясь изобразить размер машины. – Он на нем на охоту ездит.

– Так у тебя отец – охотник?

– Да. Косулю недавно привез.

– Так косуль нельзя стрелять. Они же в Красной Книге.

– Моему папке можно. Он начальник.

Рэб не стал уточнять, начальником чего был отец мальчишки.

– Много у него оружия?

– Завались! Есть с оптическим прицелом, есть помповые, и даже двустволки есть. Мамка говорит ему, что он совсем чокнулся со своими пушками.

– Ну, женщины, они всегда так говорят.

– А вы тоже будете охотиться?

– Собираюсь, но как получится; может быть, просто удирать буду.

Мальчишка хохотнул, но ничего не понял.

– Тебя как зовут? – спросил Рэб бойкого мальчонку.

– Евсеём, – представился пацан.

– Евсеём. – Рэб удивился тому, как смело родители достали из закровов истории старое забытое имя для своего ребенка. – А где твой дом?

– Во-о-он тот, в конце улицы. – Пацаненок махнул рукой. – Самый здоровый.

Рэб вышел из гаража, чтобы посмотреть. В конце улицы выделялся своими размерами и глухим высоким забором трехэтажный особняк. Возле дома стоял «Крузак» с лебедкой, шноркелем и алюминиевыми сэндтреками на крыше.

– Серьезная тачанка у твоего папки! – похвалил Рэб отца мальчишки.

– Откуда хочешь, выедет. Хоть через речку, хоть через гору.

– Вижу. Кем он у тебя работает?

– Начальником, я же говорил уже.

– Извини, просто переспросил. – Рэб закрыл гараж. – Ладно, Евсей, приятно было познакомиться, пойду домой.

– Ладно, иди, – разрешил мальчишка. – А когда ты на танке кататься будешь?

– Не знаю. А что?

– Прокатиться хочу. Сфоткаюсь и пацанам в классе покажу. Возьмешь?

Мальчишка явно не был обучен общению с взрослыми. Непосредственность из него так и лезла. Правда, Рэба это ничуть не смущало.

– Возьму, если папка отпустит.

– Бу-у-у-у, может не отпустить. Он строгий, особенно когда трезвый.

– Ну, как повезет. Давай!

– Пока!

Мальчишка побежал домой. Рэб несколько секунд смотрел ему вслед, обдумывая новые факты, будто специально преподнесенные ему судьбой. Этот огромный особняк стоило взять на заметку.

Вскоре произошла встреча с отцом Евсея. Рэб в очередной раз наведывался в свой гараж. Часть патронов он решил хранить в «бардаке», потому что в час пик бегать со всем грузом вряд ли получится.

– Оба-на! Вот это техника! – раздался голос совсем рядом.

Рэб вздрогнул от неожиданности и выглянул из люка мехвода. Перед ним стоял краснолицый мужчина в шортах, в короткой майке, прикрывающей большой живот только до половины.

– Нахрена он тебе? – беспардонно спросил незнакомец.

– Кто таков? – не отвечая на вопрос, спросил Рэб.

– Мне сын рассказал, что в этом гараже танк стоит. Я подумал, что у него фантазии детские разыгрались.

– Евсей?

– Ага, мой сын. Меня Валерой зовут.

– Рэ... в смысле, Анатолий.

– В смысле, Анатолий. Скрываешься, что ли? – Углы губ у Валеры были опущены вниз, что придавало его лицу презрительное выражение.

– Зачем мне скрываться? Анатолий, могу паспорт показать.

– Я бы глянул, на всякий случай. Без обид, но ты у меня вызываешь подозрение.

– Чем же? – Рэб почувствовал, как внутри него зарождается антипатия к этому наглomu красномордому мужику.

– Пока не могу сказать. Профессиональное чутье.

– Какая профессия его дает? – поинтересовался Рэб.

– Я – замначальника ФСИН (Федеральная служба исполнения наказаний).

– М-м, понятно. Не привлекался, – ответил Рэб.

– Это мы проверим. – Валера почесал оголенную часть живота. – Паспорт принеси, сегодня.

– Вы при исполнении? – поинтересовался Рэб.

– Я всегда при исполнении. Не люблю, когда рядом со мной появляются мутные личности. Тебе ничего не грозит, если ты ни в чем не замешан. И на «бардак» документы давай.

Рэб достал свой паспорт, по случаю оказавшийся у него с собой.

– Паспорт держи, сканируй, проверяй на что хочешь, а вот документы на машину не дам. Не твоего профессионального круга обязанности. И не налей, когда не на работе.

С этими словами он протянул свой паспорт Валере, в мгновение ока ставшему пунцовым. Мужчина молча выхватил паспорт и вышел из гаража. Рэб сплюнул на бетонный пол. Он разозлился на себя за то, что не сдержался. От этих замначальников можно было ждать чего угодно. Пришла идея даже исчезнуть до часа икс, но такой поступок мог навести на него лишние подозрения.

Два дня Рэб пребывал в дурном настроении и в ожидании подлости со стороны государственного человека. В его руках была власть, а Рэбу совсем не хотелось устраивать сейчас бодание с ней. Он, честно признаться, совсем забыл о том, что живет в мире, где существует

понятие гражданских прав и ответственности, и что есть службы, зорко следящие за этим. Рэб ощущал себя временным человеком здесь и потому позволил себе действовать неосмотрительно.

На третий день, рано утром, к калитке подъехал тот самый «крузак». Из него вышел Валера в полной охотничьей экипировке. Рэб не стал дожидаться, когда он войдет во двор, и первым вышел навстречу.

– Здорово, отец Анатолий! – поприветствовал его Валера. – Я был уверен, что у тебя другое имя.

– Здорово! Проверил-таки?

– Надо было – сам понимаешь, не потерплю, если на моей улице заведется уголовник.

Рэб взял из рук мужчины свой паспорт.

– Только мне непонятно, зачем ты бросил церковь, продал все, а теперь живешь, как монах, с танком.

– Осознал, что не тем занимался всю жизнь. Не тому служил.

– А «бардак» как вписывается в эту концепцию?

– «Бардак» – это мое хобби и свобода быть, где хочу.

– Ну да, пройдет, где хочешь, и броды искать не надо. Может, сгоняешь с нами на охоту как-нибудь?

– Спасибо за предложение, я подумаю.

– Бывай, поп-отшельник!

– Давай. Удачной охоты!

У Рэба отлегло от сердца: не таким уж подлым оказался Валера и не таким краснолицым, как в прошлый раз. Видать, не с похмелья.

Как-то осенью, еще до наступления морозов, Рэб выгнал БРДМ из гаража и спустился к берегу Урала, чтобы проверить свою машину на плаву. Нашел подходящий бережок, чтобы не совсем пляж, но и не обрыв, и нырнул с него в реку. Тяжелая машина ушла носом под воду, пропустив ее во все лючки, но всплыла и даже поплыла, разгоняемая водометным двигателем. На противоположный берег «бардак» спокойно выбрался по илистому дну. Рэб погонял его по пойме реки, распугав спящих бомжей в самодельной палатке.

Машиной остался доволен: воды за время переправы она набрала немного. Если бы Рэб предварительно хорошо подготовился, смазав солидолом все ответственные за протекание лючки и дверки, то ее могло бы и совсем не быть. Откапиталенный дизель тянул хорошо, гидравлика работала, коробка, хоть и с хрустом, но переключалась. Возможно, ему было непривычно пользоваться ею из-за того, что первые передачи не были синхронизированы и требовали двойного выжима сцепления для переключения. Все, что Рэбу хотелось от этой машины, имелось, а именно – броня и проходимость.

По возвращении в гараж Рэб снова наткнулся на Евсея. Пацаненок, насупившись, смотрел на проезжающий «бардак». Рэб остановился, откинул люк и выбрался из него наполовину.

– Здорово! Чего хмурый?

– Ты обещал меня прокатить! – перекрикивая шум двигателя, высказался мальчишка.

– Ты еще спал, когда я уехал, – отмазался Рэб.

– Не спал. Я слышал.

– Отец не заругает нас? – Рэбу не хотелось испытывать судьбу.

– Нет, он уехал.

– Ладно, забирайся, – пригласил Рэб.

Пацаненок дернулся, но остановился, озадаченный отсутствием привычных дверей. Рэб вначале хотел открыть ему бортовой люк, но решил, что мальчишке это не будет так интересно. Открыл верхний люк и пригласил Евсея.

– По колесу забирайся!

Мальчишка ловко забрался на броню. Его глаза горели восторгом. Для него разведывательная машина была настоящим танком.

– Влезай. – Рэб кивнул на люк.

Евсей спустился в машину и потянул за собой крышку люка. Огляделся, удивляясь простым и откровенно устаревшим органам управления машиной.

– А пушка тут есть?

– Нет, с пушкой гражданским не продадут.

– Понятно, а то захочется пострелять.

– Точно. Куда поедем?

Евсей пожал плечами.

– Ясно; значит, маршрут выбираю я.

Рэб прокатил мальчишку вдоль Урала, заехал в воду, но форсировать не стал. Даже такой демонстрации возможностей машины пацаненку хватило за глаза, особенно тогда, когда волна накатила на лобовые стекла, – он рефлекторно пригнулся, как будто она могла плеснуть ему в лицо. А когда «бардак» проехался вдоль улицы, на которой по выходным собирался стихийный рынок, Евсей высунулся в люк и изображал, как он стреляет по людям из пальца.

– А их-то за что? – спросил Рэб, когда мальчишка вернулся в машину.

– Это зомби, дохляки, они могут прокусить нам колеса.

– Эти? Не. Эти не прокусят.

– А какие прокусят?

– Знаешь, есть такие матерые зомби, их кусачами зовут, вот они могут кинуться на колесо и отсобачить от него кусок, а если элитник...

– Вы что, их видели? – Евсей недоверчиво посмотрел на Рэба.

– Тю, сколько раз! Так близко, как тебя.

– И где?

– Ну, в другом месте. – Рэб уклонился от ответа, не желая пудрить мозги ребенку.

– Ха-ха, я знаю, вы врете, зомби только в кино бывают!

Рэб остановил «бардак» возле роскошного дома Евсея.

– Было бы здорово, чтобы твой дом не зацепило, когда придет время. Беги, а то мамка будет ругаться.

Евсей собрал складки на лбу, пытаясь понять, о чем сказал Рэб, но так ничего и не понял. Ловко выбрался в открытый люк и спрыгнул на землю.

– Спасибо! – услышал Рэб через броню звонкий голос.

Зимой Рэб затих. Занимался по большей части рубкой дров для отопления летней кухни. Старушка сама не пользовалась ею зимой, поэтому сэкономила на газовом отоплении. Тонкостенное помещение приходилось топить круглосуточно. Иногда суровые метели, набравшие силу в ровных степях, не давали возможности протопить скромное жилище. Рэб за зиму дважды заказывал грузовик угля, прилично переплатив за съём не приспособленного для суровых зим строения.

Морозило весь март, и только к концу его установилось стабильное тепло. Чем ближе было к дате, отмеченной в записке Варна, тем беспокойнее было на душе Рэба – в первую очередь, из-за сомнений в поводу необходимости возвращения в Улей, во вторую – из-за того, что Рэб считал себя обязанным уменьшить, насколько возможно, количество людей в кластере. Зная о том, что случится перенос, он автоматически становился ответственным за их судьбу.

От глупой идеи оповестить людей накануне грозящей опасности он отказался, боясь показаться сумасшедшим, со всеми вытекающими последствиями в виде изоляции. Да и не послушались бы его люди. Мало ли вокруг дураков, вещающих о конце света, геенне огненных и спасении? Он сам никогда бы не послушал человека, призывающего покинуть дом и

спрятаться за городом, чтобы не провалиться в Стикс. Для обычного человека, не попавшего в перезагрузку, ничего не изменилось бы, а только укрепило веру в сумасшествие оракула.

Любая идея, приходившая Рэбу в голову, имела огромные недочеты, сулившие проблемы ему лично, либо была малоэффективной. Тогда он решил действовать топорно и наверняка. Идея была не нова и отработана столетиями. Рэб решил заминировать предполагаемый размер кластера. Нет, он не собирался минировать по-настоящему, достаточно было взорвать одну бомбу где-нибудь подальше от людей и разбросать по округе муляжи.

Он рисковал. Никакой перезагрузки просто могло не быть, и тогда ему грозило заключение по суровой статье «терроризм». Рэб даже представил заголовки: «Бывший священник решил ускорить жителям города встречу с Богом» или «Священник что-то знает, поэтому выбирает ад». Честно говоря, на последствия ему было плевать. Будущего без Улья для него не существовало.

Теплыми весенними днями Рэб мастерил муляжи, благо, хозяйке было глубоко плевать, что происходит на ее летней кухне, где часть помещения была заставлена подозрительными коробочками с проводами. Одна из них была почти настоящей бомбой. Шумихой, для привлечения внимания.

Рэб зарегистрировался на городском информационном портале, обучился фотошопу, чтобы наделать фотографии, на которых совместил узнаваемые городские места с жертвами терактов. Получилось вполне правдоподобно. Купил незарегистрированную sim-карту и телефон с рук, чтобы усложнить силовикам его поиск. Познакомился со словом «прокси» касаясь интернета и теперь выходил через IP-адреса, находящиеся в других странах. И все для того, чтобы продержаться тринадцатого мая до шестнадцати часов двадцати одной минуты. Позже этого времени любые охотники автоматически меняли статус на жертв.

Рэб много бродил по округе, присматривая места для установки муляжей взрывных устройств. Район у набережной, где он жил, был исключительно частной застройкой. Во дворах цвели яблони, вишни, черемуха, распространяя великолепный аромат. Не раз Рэб ловил себя на мысли: а ну его, этот Улей, в задницу! Вытравить его из себя и попробовать начать жизнь сначала? Сиюминутные сомнения, однако, проходили быстро, стоило остаться наедине с собой и почувствовать глубокую душевную тягу к возвращению в тот смертельно опасный мир. Рэб называл это чувство синдромом Улья, по аналогии с синдромами ветеранов, желающих вернуться на войну.

Накануне знаменательной даты Рэб отправился в гараж, чтобы перегнать «бардак» во двор. Евсей появился сразу, как только он открыл двери.

– Кататься? – спросил он из-за спины Рэба.

– Черт! Ты чего подкрадываешься?

– Я не подкрадывался.

– К дому подгоню, завтра, может, сгоняю куда. – Тут Рэб подумал о судьбе мальчика. –

Завтра никуда не едете?

– Нет. Батя только с охоты приехал. Спит. Мамка ушла к бабушке. Не любит, когда батя с охоты злой приезжает.

– Бабушка рядом живет?

– Да, вон там. – Евсей махнул рукой вдоль улицы.

– Ясно. Ты бы подбил их уехать за город куда-нибудь завтра – на дачу, там, или в какой-нибудь парк.

– Не-е-е, батя завтра будет откисать, баню натопит, париться будет и пиво пить.

– А ты сам можешь уехать до вечера, а потом вернешься.

– Зачем? – Мальчишка удивился.

– Предчувствие нехорошее насчет завтра. Будет лучше, если сделаешь, как я прошу.

– Меня не отпустят. Батя у нас командовать любит: принеси то, принеси это.

– Евсей, лучше получить по жопе один раз от отца, чем смотреть, как он превращается в чудовище.

– Вы о чем? – Мальчишка не мог понять намеков Рэба, а Рэб не мог объяснить так, чтобы ему поверили.

– Понимаешь? – Рэб почесал затылок. – Я много чего знаю. Завтра случится нехорошая вещь, большой кусок города провалится в тартарары. Все, кто живут в этом куске, попадут в ужасный мир, а те, кто будут находиться вне куска, для них ничего не изменится, будто ничего и не было.

Судя по выражению лица ребенка, он не спешил верить Рэбу, еще больше убедив его в том, что никакие увещевания на людей не подействуют.

– А мамка с папкой тоже провалятся?

Рэб осекся, чуть не сказав, что провалятся.

– Нет, с ними все будет нормально, – фальшивя, произнес Рэб.

– Фантазер вы истории выдумывать! – Евсей забрался одной ногой на ступицу колеса машины, придерживаясь за скобу.

– Ну, так, большой жизненный опыт. Не веришь мне?

– Не-а. Батя сказал, что вы мутный тип, отступник.

– Бате твоему виднее: через его руки много негодяев прошло. Ну, если не веришь, то хотя бы после тумана, который завтра случится, запрись в комнате и сиди, как мышь. Ведь если случится туман завтра, ты согласишься, что я говорил правду?

– Не-а, не будет тумана.

– Какой ты упертый ребенок! Отходи в сторону, я буду выезжать.

Евсей вышел из гаража и встал у ворот. Рэб завел мотор, наполнив гараж солярочным дымом. Не стал долго прогревать мотор, чтобы не задохнуться. Выехал, встал рядом и выбрался наружу, чтобы закрыть ворота. Мальчишка не уходил.

– Я не буду тебя сегодня катать, домой еду, оттуда не вернусь уже.

Евсей картинно опустил плечи и оттопырил нижнюю губу.

– Прости, парень! – Рэб хлопнул мальчишку по плечу, но тот его отдернул. – И не забудь: когда увидишь туман, прячься в комнате, подопрь дверь чем угодно и не выходи и не издавай звуков. И жди меня.

– Не буду. – Мальчишка сложил руки на груди и попытался носком сандалика выковырять из бетонной отмостки камень.

– Эх, завтра ты будешь думать по-другому. Всё, давай, пока!

Евсей не ответил. Ему удалось выковырять камень. Он взял его в руки. Рэб забрался в «бардак» и шумно тронулся с места. В зеркало заднего вида он увидел, как Евсей бросил вдогонку камень. По броне разошелся звонкий удар.

– Обиделся! – усмехнулся Рэб.

Он неожиданно поймал себя на мысли, что никогда не испытывал отцовских чувств. Был какой-то суррогат их к Крофт, но у нее был отец, и Рэбу не надо было заботиться о ней, как о своем ребенке. Он подумал: если бы у него был сын, как бы он поступил, отправился бы тогда в Улей? Вопрос, заданный самому себе, застал Рэба врасплох. Он заставил его сомневаться в истинной ценности принятого им решения. Почему-то ему показалось, что между родным сыном и Ульем он выбрал бы сына. А если бы у него была полная семья, то вариант с Ульем даже не рассматривался бы. Конечно, его бы тянуло туда точно так же, как и сейчас, но он не смог бы осиротить семью своими «хотелками». Чтобы вернуть бодрое расположение духа, Рэб заставил себя думать, что отсутствие у него семьи есть Божий промысел, данный ему для благородной цели.

Рэб заехал на заправку, залил баки всклянь и набрал пять двадцатилитровых канистр. Пока он управлялся с заправкой, вокруг него собралась толпа из водителей, ждущих своей

очереди, и зевак, решивших разглядеть списанный «бардак» вблизи. Мужики промеж себя отпускали ехидные комментарии в адрес Рэба, но он не реагировал на них.

Когда Рэб заезжал в ворота двора, на крыльцо дома выползла старушка.

– А что это за трактор? Сирень мне придавил. На трактор мы не договаривались.

– Я доплачу, баб Дусь, – пообещал Рэб.

Старушку этот аргумент успокоил. Она еще немного побухтела и убралась восвояси.

Уснуть в последнюю ночь на Земле Рэбу не удалось. В голове проигрывались варианты развития завтрашнего дня. Малодушная часть характера уговаривала не использовать «террористический» вариант, а спокойно дожидаться условленного времени и перенестись вместе со всеми людьми в Улей. Но другая часть характера, воспитанная как раз Ульем, не могла допустить такой вариант.

Когда Рэб понял, что уснуть ему точно не суждено, он собрался и вышел на улицу. Ему пришла идея расставить муляжи ночью. Он сделал несколько ходок домой, прежде чем израсходовал весь запас картонных коробок. Расставил их в тех местах, где днем было много людей: возле административных зданий, магазинов и даже школ. О детях стоило подумать в первую очередь. Настоящую бомбу, снаряженную порохом, он собирался взорвать на набережной. Ее конструкция, целиком выполненная из картона, не должна была нанести вреда никому, даже в непосредственной близости от взрыва. Бомба управлялась часовым механизмом, выполненным из старого стрелочного будильника. Рэб удалил в нем минутную стрелку, оставив только часовую. В десять утра она должна была упереться в контакт, замкнув цепь и вызвав воспламенение пороха.

Рэб успел «заминировать» окрестности до рассвета. К утру сон все же сморил его. Рэб не стал ложиться в постель и прикорнул за кухонным столом, положив голову на руки. Где-то в подсознании тикали часы, отмеряя последние мгновения до возвращения домой. Их мерный звук нарушил шум радио и свист нагревающегося электрического чайника. Рэб вместо будильника пользовался программируемым таймером для электросети.

Восемь утра понедельника. Город уже полностью проснулся, активно начиная новую трудовую неделю. Рэба настиг легкий тремор. Кружка с чаем тряслась в руках, как стакан в руках матерого алкоголика.

– Спокойно, дружище, все будет хорошо, и не такое видели. – Рэб уговаривал себя, списывая тремор на слабость тела, не познавшего настоящих испытаний. Ему казалось, что в душе он спокоен.

На самом деле это ему только казалось. Он чуть не подпрыгнул, когда открылась дверь на летнюю кухню. В дверях стояла баба Дуся.

– Ты мне когда за свой трактор отдашь? Ни пройти, ни проехать, загородил все.

– Блин, баб Дусь, ты хоть шаркала бы громче!

– Чего тебе тут бояться? Это я женщина одинокая.

Рэб воспринял ее ответ как иронию.

– Пяти тысяч хватит?

Старушка задумалась, хотя Рэб посчитал, что предложил денег с запасом. Баба Дуся вздохнула.

– Давай хоть пять – где ж тебе, тунеядцу, взять больше?

Рэб вынул купюру и отдал ее старушке. Та взяла ее, посмотрела на свет и убрала в передник.

– Баб Дусь, я слышал краем уха, тут какая-то операция намечается в наших краях, всех будут эвакуировать. Давайте я вам такси найму, съездите к подруге какой-нибудь, посидите до вечера, языки почешете?

Рэб был уверен, что после начала его операции в эту часть города не будут никого пускать, да и не поедет никто.

– Чего-о? Какая эвакуация?
– Такая, антитеррористическая.
– Правда, что ль?
– В интернете так пишут.
– Хм... к Люське съездить, что ли, может, не померла еще.
– Съездите, я вам денег на такси дам.
– Ты какой-то подозрительно любезный сегодня. Не задумал ли чего?
– Что вы, баб Дусь! Чего у вас есть ценного, кроме вас самих? Вы мне еще спасибо скажете.

Старушка замаялась: жизнь приучила ее к подозрительности.

– Ладно, я сейчас позвоню ей: если живая, съезжу. – Баба Дуся развернулась и пошаркала домой. – Не знаю, чего купить ей: мыла в сундук или тортик?

Через полчаса она вышла в цветастом парадном наряде.

– Эй, Анатолий, вызывай такси! – крикнула она с крыльца.

– Сейчас.

Рэб облегченно вздохнул и набрал номер такси. Через пару минут оно увезло старушку на другой конец города. Рэб открыл ноутбук и приготовился. От волнения подводил мочевой пузырь, наполнявшийся слишком быстро. Рэб курсировал между туалетом и столом, как челнок. Последние минуты он терпел, боясь пропустить ответственный момент за не совсем потребным делом.

Большое табло часов на экране ноутбука отсчитывало последние секунды. Оно не успело дойти до ровно десяти часов. На набережной раздался взрыв. Из летней кухни он был слышен, как громкий хлопок.

– Поехали, – тихо произнес Рэб.

Окончание томительного ожидания придало ему уверенности и спокойствия. Рэб набрал номер приемной ФСБ по запасному телефону.

– Алло, это организация «Тигры освобождения России». Мы произвели взрыв на набережной города и заложили три десятка бомб рядом с ней. У нас есть требования, и если вы их не выполните, мы приведем свои угрозы в исполнение. Каждая бомба подключена к пультам, при попытке ее разминирования она будет взорвана вручную. Предлагаю отнестись к нашим требованиям со всей серьезностью.

– Какие у вас требования?

– Об этом мы сообщим вам через некоторое время.

Рэб отключился. Он старался говорить серьезно, но боялся, что немного переиграл. Теперь предстояло посеять хаос в интернете. Рэб вошел на городской информационный портал через прокси-сервер и выложил картинки ужасающего теракта, созданного в фотопроцессоре. Подписи к каждой фотографии были одна страшнее другой: «Не меньше десяти убитых и десятки раненых», «Девушке оторвало голову», «Части тел разлетелись по округе».

Рэб разлогинился, сменил прокси-сервер и зашел с другого, под другим именем. Теперь он выложил фотографии с другого ракурса, для правдивости информации. Подписаны они были не менее кровавыми текстами: «Среди убитых есть дети», «Погибла вся семья», «Отец закрыл ребенка своим телом, но не смог спасти». Ему самому даже стало не по себе от той неправды, которую он выложил. Это точно была ложь во спасение. Для жителей города лучше было поверить в откровенное вранье, чем в страшную действительность Улья.

Тут же под фотографиями появились комментарии. Народ клюнул на провокацию. Рэб подлил масла в огонь: «Я слышал, по всему городу установлены мины. Первый взрыв – это только начало. Я сваливаю из города». Затем добавил с другого логина: «В нашем дворе лежит штурковина с проводами. По виду – СВУ. Забираю семью и еду в деревню».

Когда с улицы послышались частые хлопки дверок автомобилей и шум проезжающих машин, Рэб понял, что его задумка частично удалась. Он снова набрал приемную ФСБ.

– Надеюсь, вы поняли, что наши заявления не голословны. В одном из кварталов, рядом с набережной, стоит автомобиль, в котором находится заминированная емкость с зарином. За автомобилем ведется визуальное наблюдение, при попытке разминировать последствия будут ужасными. Тысячи ни в чем не повинных людей погибнут.

– Мы готовы вас выслушать. Назовите свои требования.

– Еще не время. Мы хотим видеть, как поступит власть и достойна ли она снисхождения.

Рэб отключился. Его корежило от высокопарных фраз, словно взятых из посредственного голливудского боевика. В комментариях под его фотографиями началась настоящая война. Слабые голоса очевидцев, пытающихся убедить, что никаких страшных последствий взрыва нет, топились обилием самых страшных предположений и многочисленных перепостов ложных очевидцев, видевших трупы по всей площади. Люди хотели ярких событий и не хотели правды. Рэб даже почувствовал гордость за свой профессионализм.

К полудню на улицах стало гораздо тише. Слышались только звуки сирен и тяжелый рык полицейских броневиков. Где-то орали в мегафон, призывая к спокойствию. Только народ был воспитан по-другому: когда власти призывают к спокойствию, то это лучший повод к панике и бегству.

Рэб позволил себе перекусить. Его отпустило. Тремор конечностей полностью прошел, почки больше не работали на износ. Рэб приготовил яичницу и ел ее с удовольствием, предполагая, что ест в этом мире в последний раз. Одним глазом он посматривал в ноутбук, ожидая официальных опровержений. Они не спешили появляться. Рэб был уверен, что власти уже в курсе того, что их разыграли чудовищным образом, но тянули время, чтобы стопроцентно удостовериться в этом, или же пытались найти человека, разыгравшего их. Время работало на Рэба.

Шел третий час дня. Механические шумы в районе набережной почти исчезли. Брехали собаки, изредка каркали грачи и вороны, чирикали воробьи. Рэб вышел на улицу и подставил лицо под теплое майское солнце. Ему пришла в голову мысль о том, что «бардак» надо поставить бортом с люком к двери летней кухни, чтобы была возможность после перезагрузки быстро попасть в безопасное место.

Он не стал откладывать дело на потом. Забрался в броневик, немного потарахтел мотором на холостых и, повредив хозяйские грядки с перцем, встал вплотную к стене своего жилища так, чтобы можно было открыть входную дверь. Рэб выбрался и осмотрелся. Старушка, если перезагрузки не случится, не простит ему такого отношения к ее труду ... за бесплатно. За десять тысяч простит точно.

Надо было перенести в машину оружие и оставшиеся боеприпасы. Рэб сделал несколько попыток быстро выбраться из «бардака» и заскочить назад. Набил пару шишек на голове, пытаясь заскочить в прыжке, и ушиб колено. Его габариты, хоть и уменьшились после сытой жизни в церкви, но до миниатюры были еще далеки.

Неожиданно над головой загрохотали винты вертолета. Серое тело машины пронеслось над районом. Рассмотреть принадлежность вертолета не удалось из-за слепившего солнца. От смутной тревоги сердце заколотилось. Интуиция подавала знаки, что этот вертолет по душу Рэба. Винтокрылая машина сделала разворот и пошла обратным курсом.

Рэб вбежал в летнюю кухню. Часы показывали без четверти четыре. Нужно было продержаться чуть больше получаса. Винты загрохотали над головой, сотрясая хлипкое строение. Рэбу почудилось, что машина зависла над домом и спецназ уже спускается по веревкам штурмовать его «крепость». Ружье лежало в «бардаке» благодаря ненужной предусмотрительности. Всё – заходи и бери его тепленьким, без шума и пыли.

В отчаянии Рэбу в голову пришла мысль прокричать в окно о том, что у него в заложниках баба Дуся, и выдвинуть требования, чтобы потянуть время. Однако вертолет улетел, и снова повисла тишина. Рэб осторожно выглянул на улицу, ожидая увидеть на себе красные точки лазерных прицелов. Ничего такого не случилось. По-прежнему брехали собаки, радующиеся тому, что кроме них больше никого не слышно. Рэб осмелел и вышел во двор. Прошел в калитку посмотреть, что творится вдоль улицы. Там было пусто – ни машин, ни детей. Его задумка удалась. Хотя те люди, которых он спас, никогда не узнают об этом, Рэба это не сильно беспокоило. Он еще с Улья понял, что многие вещи делаются для себя, а не ради благодарности от других.

Рэб вернулся в летнюю кухню. Включил телевизор, радио, поставил чайник и сел в кресло. Он решил не смотреть на часы, чтобы прожить последние минуты в этом мире, как обычно. По телевизору начались новости. Людей серьезно беспокоили проблемы, которые они сами себе создавали. Человечество делало на своем теле болячку, а потом начинало обсуждать на весь мир рецепты ее лечения. Причем методы лечения обычно были еще радикальнее, чем обстоятельства появления болячки. Люди на Земле жили неэффективно, другое дело – в Улья.

Чайник засвистел. Рэб поднялся, не спеша налил кипятка в кружку и бросил в нее пакет с чаем. Поднял скатерку, защищавшую его припасы от назойливых мух, которых в летней кухне всегда было предостаточно, отрезал ломоть хлеба и пошел к холодильнику, достать из него колбасы. Открыл дверцу и потянулся за остатками «докторской». Свет в холодильнике внезапно потух, замер на полуслове телевизор, и затихло радио.

Ладони у Рэба тут же вспотели, сердце дало несколько несинхронных ударов, отчего у него закружилась голова. Часы показывали двадцать одну минуту пятого.

Глава 2

Обстановка жилища поплыла. Рэб, прежде чем потерять сознание, успел закрыть холодильник и лечь на пол.

Запах. Он сразу его узнал. Кислый запах тумана, зараженного пакостью, разделяющей людей на два непримиримых лагеря – мутантов и иммунных, вынужденных по условиям странной игры охотиться друг на друга.

Туман еще полностью не рассеялся, поглощая солнечный свет, поступающий в помещение. Рэба слегка мутило, во рту пересохло, как с глубокого похмелья. Налицо были все признаки хронической болезни иммунных – нехватки живца.

– Ох-х! – Рэб поднялся на ноги и выглянул в окно. – Добро пожаловать домой, Рэб!

Голос его был сиплым и слабым, как у тяжелобольного. Об охоте сейчас было думать совсем преждевременно. Те твари, что первыми пришли на охоту в перезагруженный кластер, не оставили бы никаких шансов. Можно было надеяться на то, что после хитрой уловки Рэба пищи для них будет мало и они быстро покинут кластер, оставив его для менее развитых собратьев.

Рэб достал из морозилки бутылку водки. Мороз в ней еще держался. Рэб глянул на настенные часы. Он провел в отключке больше трех часов. За это время мутанты должны были заполнить город. Да и пусть себе бегают. У Рэба включился тип поведения, который выработался за время жизни в Улье: то, что не угрожает, тебя не касается. Рэб налил водку в кружку, выпил залпом и запил остывшим чаем. Крепкий напиток согрел внутренности и ослабил симптомы недостатка живца.

– Одно радует, что я не превратился в мутанта, – поблагодарил судьбу Рэб.

Почему-то он был уверен, что прописавшийся в ДНК код Улья не даст ему стать мутантом. Возможно, его уверенность и склонила случай в пользу иммунного варианта. Алкоголь дошел до мозга. Рэб набрался смелости и приоткрыл дверь летней кухни. Выставил ногу наружу и замер. Где-то по городу раскатывалось эхо рыков огромных существ. Твари не ожидали, что попадут на диету, устроенную Рэбом, оттого и злились.

Робко вышел наружу, обошел «бардак», мешавший разглядеть обстановку на улице. На его улице было тихо, даже собаки притихли. Хотя притихли они совсем по другой причине. Идти дальше Рэб побоялся, считая такой риск неоправданным. Собрался вернуться в летнюю кухню, но услышал шум двигателя легкового автомобиля. Машина набирала скорость на предельных оборотах, передачи менялись мгновенно, как на спортивной машине. Рэб задержался.

По улице пролетела серебристая легковушка, а за нею пронеслось несколько крупных тварей. Догнать машину по прямой у них не было шансов, но и прямых улиц в частном секторе было не так много. Рэб посчитал людей в легковушке обреченными на гибель в ближайшие пару минут. В подтверждение своей догадки он услышал глухой удар, рык мутантов, смешавшийся с истошными воплями человека.

Рэб вернулся в летнюю кухню, закрылся на крючок, сел в кресло и собрался ждать. У человека с тренированной «терпелкой» шансов выжить в Улье было гораздо больше, чем у активного идиота. Удивительно, но Рэб мгновенно перестроился, будто и не было двух лет ожидания в счастливом инкубаторе под названием «Земля».

Где-то рядом, на соседней улице, раздалась и быстро затихла стрельба. Неправильный поступок. Шуметь на свежем кластере – верная смерть. Кто-то переоценил мощь своего оружия, а может быть, действовал в панике. Через двор пронесся крупный мутант – даже посуда затряслась на полке. Тварь сломала забор и умчалась на шум, уверенная в том, что и ей перепадет кусочек.

– Твое счастье, что баб Дуси не было дома, – прошептал одними губами Рэб.

Пить хотелось нестерпимо. Рэб помнил, что пить воду совсем бесполезно, она не приносила облегчения. Он встал и пересоединил газовую плиту от газовой трубы к баллону со сжатым газом, припасенному как раз к такому случаю. Вынул свисток из носика чайника и включил газовую плиту. Воды оставил в чайнике на самом дне, на одну кружку. Кипяток быстро приготовился. Рэб заварил себе два пакетика чая и бросил в кружку ложку с горкой растворимого кофе. Ядреный коктейль из кофеина и танина, хотелось верить, сможет заглушить болезненные симптомы живцового голодания. Однако он не особо помог, только сердце заколотилось более учащенно.

Туман рассеялся. В окно летней кухни был виден тот же кусок города, что и раньше, с той лишь разницей, что солнце сейчас должно быть на другой стороне небосвода, будто снова начинался новый день. Тишину все чаще нарушали регулярные рыки и рев мутантов, гонящихся за скудным кормом.

Где-то в глубине души Рэб надеялся, что ему организует теплый прием Варн. Он был уверен, что человек, назвавшийся его учеником, сделает такое одолжение своему учителю. Однако Рэб понимал, что из-за несинхронного течения времени в Улье и на Земле эта встреча может не состояться вообще. Что, если в Улье за два земных года прошло более десяти лет? По меркам странного мира, для жизни человека в нем практически бесконечность. Каким бы умным и подготовленным ни был Варн, такой срок даже для него будет невозможным. Рэб за первый свой срок пребывания здесь не помнил никого, кто прожил в Улье так долго.

С другой стороны, картина могла быть обратной. Что, если в Улье прошло всего два месяца? За это время Варн вряд ли успел бы набраться опыта и организовать группу отчаянных парней, чтобы встретить Рэба. Оставалось надеяться только на себя, отсидеться, осмотреться, установить контакт с рейдерами или идти до первого стаба. Хорошо, если попадутся нормальные военные, у которых можно будет обменять водку на оружие или пристать на время, пока не наберутся силы и не откроется какое-нибудь умение.

В самой отдаленной перспективе Рэб надеялся дойти до своего стаба – «Затерянного мира». Он знал, что его возвращению там будут рады, хотя поверить в то, что он добровольно вернулся в Улей, будет трудно. Он живо представил эмоции на лице Дизеля, Крофт, Скорняка. Если у них будут сомнения, дочка Дизеля благодаря своему умению сможет легко убедить их в том, что Рэб – это Рэб.

Как Рэб собирался найти свой стаб, затерянный среди похожих безымянных кластеров? Самый легкий способ, на который он надеялся, – это информация от Варна, который точно знал его местонахождение. Второй – поймать внешника и добыть через него карту. Третий – через «сарафанное радио», пытаясь найти тех, кто располагал информацией о людях и местах, которые знал Рэб.

Бу-ум! Стены летней кухни тряхнуло, зазвенели стекла, и сквозь щели деревянного потолка посыпался мусор. Рэб от неожиданности подпрыгнул в кресле, чуть не рассыпавшемся под его весом. Выйти, чтобы проверить причину взрыва, он не решился. Посмотрел в окно, но ничего не увидел. Решил, что за мутантами в город подались серьезные рейдеры на крупнокалиберной технике. Жахнуло точно как из танкового калибра. Рядом заревела раненая тварь. Рэб хорошо помнил этот рев, неоднократно слышавшийся ему по ночам. Так кричат смертельно раненные мутанты, достигшие высокого уровня развития. Крик безысходной злости и отчаяния, когда хватает ума понять, что рана несовместима с жизнью.

Рэб сглотнул слюну от мысли о споровом мешке мутанта. Ему захотелось запустить руку в его паутистое нутро и вынуть из него спораны – источник здоровья, силы и гармоничного развития в смертельном мире Улья. Нет, мечтать об охоте на спораны не стоило так рано. Нетерпеливые долго не живут.

Больше почему-то не стреляли: то ли рейдеры убили жожака, разогнав стаю по окрестностям, то ли за время отсутствия Рэба в Улье произошли кардинальные перемены и люди научи-

лись договариваться с мутантами. Нет, это точно были досужие домыслы. Вся природа Улья была устроена на противостоянии людей и мутантов, и вряд ли это когда-нибудь изменится. Пример тому – его превращение в кваза, визуально достигшего уровня элитника. Несмотря на заселенность и изменчивость Улья, аномалия в виде разумного мутанта, оберегающего людей, не осталась без внимания.

Прошло много времени, в течение которого Рэб ждал лязг гусениц танка или хотя бы шум мощного мотора БМП, но так и не дождался. На Улей, оглашаемый рыком мутантов, надеющихся еще поживиться на кластере, опускались сумерки. Где-то на границе слышимости несколько раз выстрелили из ДШК – верного и надежного средства поражения даже развитых мутантов. Твари, видимо, уже покидали по непонятной причине обезлюдевший кластер. Рэба распирала гордость за то, что он не поленился организовать провокацию с минированием. Тысячи людей запомнят этот понедельник как день жуткого розыгрыша, и только сотни – как день, когда они провалились в ад.

Живот скручивало спазмами. Рэб налил в кружку еще не нагретой водки, выпил залпом и лег на кровать, свернувшись клубком. В таком положении спазмы переносились легче. Уснуть он не мог, потому что сквозь подушку слышал, как по земле расходятся гулкие шаги тяжелых существ. Иногда они подходили к дому, клекотали глотками и рычали, вынюхивая присутствие человека. Лучше всего они чувствовали страх, когда тело человека интенсивно источало пот и панику. Рэб не боялся – ему было не до того.

По скорости наступления признаков живцового голодания Рэб догадался, что кластер с периодом перезагрузки всего в несколько дней. Если до следующего вечера не употребить хотя бы глоток живца, можно будет и не мечтать об охоте на новоиспеченных мутантов. А их в городе благодаря его стараниям будет негусто. Оставалось надеяться на недоразвитых неудачников извне, пришедших подобрать крохи с барского стола.

Всего один споран мог вернуть его к полноценной жизни и даже дать толчок к адаптации организма к новым условиям. Сила при регулярном употреблении живца набиралась скорее, чем у атлета на Земле. Рэб хорошо помнил, как он быстро сбросил вес и научился залезать на деревья во время первого попадания в Улей.

Вслушиваясь в ночь, Рэб передумал о многом. Он искал где-то в глубине души сожаление по поводу своего поступка и не нашел. Дрогнул он перед загрузкой кластера, рвал бы сейчас на себе волосы. Тот мир – чужой для него, временный, непонятный. Опускались сумерки. Рэб, хоть и вертелся на кровати ужом от болей, все равно был счастлив. Это положительное чувство частично гасило боль.

Думал он о мальчишке Евсее, искренне желая ему прислушаться к его предупреждению. Завтра Рэб собирался посетить их дом, разжиться каким-нибудь оружием, надеясь найти в нем нарезное. Он помнил, что дети в Улье не заражались до какого-то возраста или веса, и был уверен, что щуплый пацаненок избежит проклятия Улья.

Думал о «Затерянном мире», рассчитывая, что его жителям хватило ума сохранить изоляцию, гарантирующую выживание. Думал о Варне, надеясь, что его желание измениться осталось прежним. Его острый ум, самодисциплина вкупе с дарами Улья могли превратить его в сверхчеловека, способного собрать вокруг себя большую силу. Сида дарила власть, и Рэб обоснованно опасался, что Варн не сможет противостоять ей. Так наркоман, излечившийся, вроде бы, очистившийся от скверны и вдруг снова прикоснувшийся к ней, бывает не в силах снова перебороть зависимость.

По большей части он заставлял себя думать о чем угодно, лишь бы не чувствовать резей в животе, сухого, как наждак, языка и тошноты, волнами подкатывающей к горлу. Едва забрезжил рассвет, Рэб поднялся с кровати. Сгорбившись, как человек с больной спиной, он неуверенной походкой подошел к дверям и прислушался. Прямо за дверью на кусте сирени чирикала

стая воробьев, заглушая прочие звуки. Их мирное чириканье могло всерьез обмануть человека, принявшего привычный звук за проявление мирной обстановки.

Прежде чем открыть дверь, Рэб в который раз капнул на петли маслом. Взял в руки тяжелый меч из рессоры, которым мог одолеть только научившегося прилично ходить пустыша. Дверь поддавалась без скрипа, но воробьи заметили это и дружно вспорхнули.

«Черт!» – ругнулся про себя Рэб.

Для умеющего думать мутанта любая вещь могла быть подсказкой. Он замер и простоял так не меньше минуты. Никого. Интуиция тоже молчала. Она могла потерять хватку, расслабившись за два года мирной жизни, поэтому огульно доверять ей на первых порах Рэб не собирався. Вгляделся во все кусты, живые изгороди, отделяющие владения бабы Дуси от соседей. Он представлял этот взгляд элитника, режущий лазером по глазам. Тварь могла спрятать своё тело в листве, но не могла скрыть свой взгляд, алчущий крови, – ледяной взгляд абсолютного хищника.

Рэб открыл дверь шире и выставил ногу. Тишина. Тогда он сделал резкий прыжок, сгруппировался и влетел внутрь «бардака», почти не ударившись и не создав шума. Тут же развернулся, закрыл за собой люки только после этого облегченно вздохнул. Первая часть марлезонского балета была сыграна безупречно. Теперь Рэб ощущал себя черепашкой под надежной защитой панциря.

В «бардаке» он просидел два часа, пока солнце не начало разогревать броню. Все это время он внимательно следил за обстановкой через перископы и прислушивался к звукам. У него было ощущение, что городской кластер почти пуст. Обычно активная фаза пирушки длится не меньше двух суток. Неужели люди покинули кластер в подавляющем большинстве, оставив мутантов ни с чем? Хотелось в это верить.

Рэб ощутил некоторую уверенность в собственной безопасности. Он завел двигатель, шум которого разнесся по округе. Прошла минута, прежде чем показались первые гости. На улице появились пустыши. Глупое выражение их лиц соответствовало их умственным способностям. Пустыши лезли на забор, не замечая прорехи в нем, оставленной ночным мутантом. Они клокотали, издавали сипящие звуки на вдохе, бестолково толкались, мешая друг другу.

Большие твари не спешили показываться на глаза, сопоставляя факт шума мощного двигателя с крупнокалиберным оружием, делающим «бо-бо». Теперь таиться было незачем. Рэб вывернул руль, включил первую передачу и, мешая бабкины грядки в кучу, выехал со двора, повалив забор и прижав им неловких пустышей.

Направился он к дому замначальника ФСИН, не забывая попутно оценивать обстановку вокруг. Улицы в основном были пустыни. Редкие пустыши, многие из которых еще ходили, как пьяные, заслышав шум мотора, направлялись следом за «бардаком». С их медлительностью они быстро теряли ориентир, снова замирали на месте, прислушиваясь к другим звукам.

Пустота на улицах была слишком подозрительной. Одно дело, если бы мутантов выкосили подготовленные рейдеры, но не было и их. Казалось, Рэбу облегчили задачу адаптации к Улью. Еще бы в конце улицы повесили растяжку «Добро пожаловать в Улей!» или «Счастливого возвращения домой!». Однако Рэб не терял бдительности, помня, как многогранен Улей, и о том, что в нем полно ловушек, которые, на первый взгляд, выглядят, как островки безопасности.

Покореженные машины, заборы, дома не давали забыть о том, как надо себя вести. Рэб вывернул на улицу, на которой находились снимаемый им гараж и дом Евсея. Проезжая мимо гаража, заметил, что ему досталось. Профильный лист железа, покрывающего крышу, был отогнут. На воротах имелись приличные вмятины и следы когтей. Толстое железо и мощные петли выдержали дикое насилие над собой. Интересно, что было нужно тварям в пустом гараже?

Рэб доехал до дома замначальника, сбив по пути двух шустрых пустышей, выбежавших наперерез его машине, проломил забор и въехал прямо во двор к входной двери дома. Теперь

надо было подождать еще, так как шум был сильный и мог привлечь тварей издалека. Пока ждал, смотрел в окна дома, надеясь увидеть в них Евсея. Но в них не было никакого движения.

Разглядывая двор, Рэб заметил пустую цепь и следы крови у собачьей будки. Кровавые отпечатки босых ног вели по выложенной дорожке в дом. Пришлый мутант, максимум – в стадии лотерейщика, удачно попытал счастья в этом кластере. Рэб погладил ствол ружья. Против лотерейщика его разрушительной силы было более чем достаточно. Экспансивные пули, которыми оно было заряжено, превращали тело мутанта в отбивную. Жаль, если тварь добралась до мальчишки.

Рэб открыл люк над головой и высунулся. Шум шел только от пустышей, топчущихся на улице. Рэб нацепил разгрузку, забитую снаряженными магазинами, сунул за спину меч, прицепил к стволу фонарь и выбрался наружу. Ни дать ни взять охотник на упырей. Любой опытный рейдер упал бы со смеху, глядя на вооружение Рэба. Куда деваться, мирный Оренбург – не то место, где можно разжиться приличным огнестрелом.

Клокочущие пустыши мешали прислушиваться. Рэб еще раз огляделся по сторонам и краем глаза заметил дрогнувшую шторку в окне дома. Пригляделся: вроде, тихо; решил, что Евсей. Мальчонка теперь и тени своей боится и не станет кричать от радости.

Надо было идти в дом, как ни страшно было это делать. Рэб не ожидал застать в нем лотерейщика, но шанса такого совсем не исключал. Выбрался из «бардака» он неловко, цепляясь всем подряд. Мутило сильно, а в таком состоянии было не до деталей. Перед входом в дом Рэб взял себя в руки.

Дверь была открыта настежь, со следами удара. Уже в коридоре запахло смертью. В гостиной, в ярких лоскутах одежды, лежали останки женщины – по всей видимости, матери Евсея. Вокруг была ее кровь и следы, свидетельствовавшие о том, что части тела волокли. Тварь жрала женщину в разных местах. Рэб прикинул, где хозяин дома мог хранить оружие. Наверняка у него должна быть своя комната-оружейка. Такие властные люди не будут выгораживать уголок под свое хобби.

Рэб обошел комнаты первого этажа. Кроме гостиной, там была одна спальня и технические комнаты, одна из которых вывела в гараж. В гараже стоял «крузак», с которого еще не успели смыть грязь после последней охоты. Машина была открыта. Рэб осмотрел ее, но оружия в ней не нашел.

На второй этаж вела скрипучая деревянная лестница. В мирное время можно было бы полюбоваться искусной резьбой на деревянных балясинах, но только не сейчас. Каждый скрип отдавался спазмом в сердце и электрическим разрядом в мозгах. Ладони, державшие ружье, вспотели, особенно палец на спусковом крючке.

Рэб поставил ногу на твердый пол второго этажа и облегченно вздохнул. На скрип никто не вышел – ни мутант, ни Евсей. Осмотр второго этажа ничего не дал. Здесь были только спальни и санузел. И, вновь скрипя ступенями, Рэб поднялся на третий этаж. Детская была пуста и, по всем признакам, опустела после перезагрузки. В комнате царил беспорядок, всё было разбросано так, будто что-то искали, и окно на улицу было открыто.

Евсей сбежал, но как далеко ему удалось убежать в городе, полном охотников на человечину? Осмотр третьего этажа закончился ничем. Кроме детской, здесь находился огромный, по домашним меркам, кинотеатр. Папаша, по внешности которого трудно было в это поверить, явно относился к синефилам? Проектор в одной стороне комнаты проецировал картинку на идеально белое полотно в противоположной стороне. В комнате находилось несколько вычурных вертикальных колонок с кучей динамиков в каждой. Посередине стоял добротный кожаный диван, и по бокам – два кресла.

Рэб простучал по периметру все стены, надеясь обнаружить скрытую полость, открывающую вход в оружейку, но стены, покрытые специальным звукопоглощающим ковролином, изда-

вали одинаковый глухой звук. Оставался только подвальный этаж, куда, как надеялся Рэб, не придется спускаться.

С лестницы он увидел, что пустыши нашли дыру в стене и бестолково слоняются по двору. Рэба они не беспокоили, уровень развития был сопоставим с дистрофиком, третью неделю не притрагивающимся к пище.

Вход в подвал вел из кухни. Темный зев спуска пугал своей мрачной неопределенностью. Рэб перевел свет фонаря в рассеянный спектр и пошел вниз. Бетонные ступени не скрипели, позволяя прислушиваться к звукам из темноты. Рэб ступил на пол и первым делом осветил все углы помещения, в котором оказался. А здесь у хозяина дома были бильярдный стол и сауна с бассейном. Отсвет фонаря заиграл неровными бликами на стенах и потолке, отразившись от водной поверхности.

Рэб прошелся вдоль бассейна и подошел к двери сауны. Ему послышались звуки, идущие изнутри. Рэб осветил через матовое окошко. Внезапно в свет попало бледное пятно, искаженными очертаниями похожее на лицо человека. Рэб отшатнулся и выругался. Он был уверен, что в сауне сидит Валера, хозяин дома. Рэб огляделся, увидел ротанговое кресло, взял его и подпер им дверь в сауну. Из сауны забулькало и заурчало. Дверь затряслась под усилиями новообращенного мутанта.

Рэб не стал обращать внимание на его усилия, продолжив поиски. Из сауны он попал в спортзал с тренажерами. Глядя на хозяина дома, нельзя было подумать, что он часто сюда заходит. Из спортзала был еще один выход, и он был закрыт. Сомнений в том, что за ним находится оружейка, не было никаких. Дверь была изготовлена из прочной стали и сидела на внутренних петлях. Как одолеть ее, Рэб не знал, но очень хотел.

Он разглядел замок, запирающий дверь, чтобы иметь представление о том, какой ключ искать. Искать на самом деле не хотелось. Состояние медленно, но верно ухудшалось, поэтому запас времени был ограничен. Рэб решил напрячь мозги, чтобы сэкономить время. Такие люди, как Валера, любили контролировать всё, поэтому ключ от оружейки, как и от машины, он должен был всегда иметь под рукой, чтобы, не дай Бог, его жена не решила переложить в другое место. Где должно быть это место?

Рэб вспомнил себя в «лучшие» годы. У него ключи хранились в выдвижном баре в спальне. Бар охлаждал ему алкоголь, к которому отец Анатолий любил иметь доступ в любое время. Хозяин дома наверняка должен был иметь сходную привычку держать ключи там, куда чаще всего наведывался. Рэб вернулся в предыдущую комнату. Валера, почуяв человека, зарычал и зашипел.

– Боишься, что ключики твои найду? – Рэб осветил по стенам.

Двери бара он не увидел, но их и не делали открыто. Рэб прошелся по картинам на стенах, пока не добрался до фотографии, обработанной дешевым приемом под картину маслом в фоторедакторе, на которой Валера попирал тушу косули. Она была закреплена на двери. Рэб придавил ее и отпустил. Дверь отошла, обнажив темные внутренности бара. В свете фонаря блеснули бутылки дорогих напитков. У самого входа лежало несколько ключей. Рэб выбрал те, которые были похожи на нужные, и вернулся.

Ключ подошел с первой попытки. Массивная дверь открылась, обнаружив за собой небольшое помещение размером с гардероб. На сетчатой стене, как на выставке, висел целый арсенал. Гладкоствольное оружие, от двустволок до магазинных ружей, и карабины, включая огражденные варианты СВД. Были у него и незаконные пистолеты, но Рэба они не интересовали: стреляться пока он не собирался.

Для его целей подходил вариант карабина СКС, переделанный под иностранный патрон, и гражданская СВД «Тигр» с оптическим прицелом. На полу стояли пачки патронов – по большей части для гладкоствольного оружия, но были и те, что подходили к выбранному оружию.

Рэб нашел тут же охотничий рюкзак со следами частого использования, забил его патронами к новым винтовкам и подходящими к его ружью и надел его на спину.

Вторая часть марлезонского балета была тоже сыграна. Теперь предстояло добыть споран из башки мутанта. Рэб чувствовал, как у него тряслись руки от слабости, и боялся, что с большой дистанции не сможет попасть в мутанта.

Валера, почуяв, что его имущество выносят, возопил громче и так заколотил в дверь, что она не выдержала. Рэб едва успел скинуть с плеча свое ружье – единственное снаряженное патронами оружие. Мутант, не раздумывая, кинулся на Рэба, противно урча. Рэб вскинул ствол и выстрелил. В закрытом помещении звук выстрела сразу оглушил до звона в ушах. Пуля выбила фонтан кишок и черной крови из спины Валеры, но не остановила его. Рэб выстрелил навскидку в район головы. От удара голова мутанта запрокинулась, Валера по инерции сделал пару шагов вперед и упал прямо в бассейн.

В комнате повис пороховой дым. Рэб несколько раз сглотнул, желая избавиться от свиста в ушах, но это не помогло. Из дома надо было поскорее убираться, пока пустыши не заткнули выход. Рэб зашел в прихожую, из окна которой открывался вид на его «бардак». Рядом с ним стоял один пустыш, по-птичьи резко дергавший головой на каждый звук. Этот был уже не таким слабым. Судя по полным штанам, едва удерживавшимся на ремне, пища ему перепала богатая.

Рэб резко открыл дверь и с ходу выстрелил в пустыша. Энергия пули сбила мутанта с ног. Остальные его товарищи только начали медленно разворачиваться на звук, когда Рэб уже заскочил на машину. Он открыл верхний люк, спустил в него свое оружие и забрался следом.

– Здрасти!

Рэб чуть ракетой не выскочил назад. Среди ящиков с водкой и прочим хламом сидел испуганный Евсей.

– Я...я... увидел тебя и ... вот... тут не страшно, в танке, – сбивчиво пояснил мальчишка.

– А ты где был-то? – спросил его Рэб, удивленный тем, что Евсей жив и здоров.

– Я у вас в гараже прятался.

– Зачем? Я же просил тебя сидеть у себя тихо и не высовываться.

– Я испугался. Я видел его. Он такой большой и страшный, Бобика съел и домой пошел. Я у себя был. А мамка – внизу. Кричала. А потом... я слышал, как он съел ее. Откуда вы знали?

– Про то, что так получится?

Мальчишка коротко кивнул.

– Знал. Мне сказали. Как ты себя чувствуешь?

– Плохо. Болею. А вы за мной приехали?

– И за тобой, и за пушками твоего бати.

– А бати видели?

– Он уже не твой батя, – ответил Рэб и запустил мотор.

Мальчишка, кажется, понял, о чем шла речь, и переспрашивать не стал.

– А как ты в гараж-то мой попал? Он ведь закрыт?

– Я... только не ругайся, ага?

– Ага.

– Я давно там, на крыше шурупы выкрутил и лазил, чтобы танк поглядеть и полазить по нему.

– Ясно, малолетний хулиган.

Рэб выехал на улицу и остановился. Куда ехать, он не знал, да это и не имело значения, потому что мутанты со споранами в голове могли быть где угодно. Рэб решил ехать на набережную, оттуда свернуть на Советскую и спуститься по ней вниз до границы кластера. Главная пешеходная улица города была удобна для маневрирования и гонок, а также для стрельбы на дальние дистанции.

Рэб вылетел на набережную в районе исторического музея, боднул брошенные машины и помчался по площади, остановился у памятника Чкалову, чтобы посмотреть вдоль улицы через прицел «Тигра». Улица просматривалась от начала и до конца. Редкие автомобили, развозные фургончики, брошенные прямо у кафе, пустота и ветер на перекрестках, гоняющий мусор. Рэб насчитал семь пустышей, собравшихся у подпиленного по весне карагача. Мутанты задрали вверх головы и не сводили взгляда с кого-то, засевшего в ветвях.

– Как в кино всё. – Евсей встал рядом с Рэбом и смотрел в открытый люк.

– Слушай, Евсей, я завидую твоей выдержке. Ты хоть понимаешь, что теперь так, как было, никогда не будет? – Рэб посмотрел на мальчишку, на лице которого не было выражения вселенского горя.

– Я хотел, чтобы так было, – неожиданно ответил он.

Рэб чуть не поперхнулся.

– Вот так? Когда люди жрут друг друга?

– Мамку жалко, батя ее достал со своими пьянками и охотой, бил еще. А так – нет. Даже весело, что мы с тобой в танке. Давай вон тех, под деревом, постреляем. Они, кажется, кошку хотят съесть?

– Какой ты – постреляем! Тут не кино, есть такие твари, которые нас из этой скорлупы выковыряют и «ох» не скажут.

– Да?

– Да.

– Покажешь?

– Ё-мое, нам бы хоть один споран найти, чтобы не загнуться до вечера, а ты хочешь, чтобы я тебя, как по зоопарку, поводит! Увидишь еще, и гарантирую море впечатлений. Поехали, натуралист!

– Кто?

– Натуралист. Любитель природы. – Рэб шлепнул себя по лбу. – Кстати, тебе же надо кличку придумать. Тут, в Улье, без нее нельзя: быстро загнешься. Она – как позывной у солдата. Хочешь, будем звать тебя Натуралистом?

– Нет, не обидно, но как-то непонятно. – Евсею явно не понравилась кличка, предложенная Рэбом. – А вот у тебя уже есть позывной.

– Есть: Рэб.

– Круто! А кто тебе ее придумал?

– Да люди одни, которые меня нашли. Там, в общем, обстоятельства ее появления были не совсем героическими. – Рэб не стал вдаваться в подробности.

Пустыши под деревом заволновались и расступились.

– Та-а-ак. – Рэб приложился к оптическому прицелу. – А вот и кое-кто постарше.

Мощная тварь, похожая издали на атлета, выращенного на ГМО продуктах, подбежала к дереву и прыжком оказалась на нем. Схватила что-то в листве и запихала себе в рот.

– У папки винтовка хорошо пристреляна? – спросил Рэб, прицеливаясь в верхнюю часть торса лотерейщика.

– Думаю, да. Он же чокнутый был на охоте.

– Сейчас это скорее достоинство, чем недостаток. Особенно для нас с тобой. Заткни уши, сейчас будет «ба-бах».

Рэб выстрелил. Тварь дернулась после попадания, резко соскочила с дерева и побежала. Ума на то, чтобы бежать за дома, ей еще не хватало, и она выбрала прямую дорогу, на которой могла реализовать свое преимущество – скорость. В сравнении со скоростью пули это, конечно, преимуществом не было. Рэб выстрелил повторно и зацепил её ногу. Тварь крутануло через правый бок. Она упала и прокатилась несколько метров. Рэб выстрелил еще раз, но пуля только высекала рядом с тварью искры, не задев ее.

Лотерейщик снова вскочил и, хромя на одну ногу, продолжил убежать. Даже с простреленной ногой он бежал гораздо быстрее человека. Рэб замер, удерживая руки от нервной трясушки, вспомнил Пирата, умевшего превращаться в статую перед выстрелом, попробовал и сам застыть. Четвертая пуля ударила лотерейщику под левую лопатку. Тварь упала мордой в асфальт, перекувыркнулась, попыталась встать, потеряла равновесие и упала снова.

– Залазь! – приказал Рэб мальчонке, сам нырнул в «бардак» и закрыл за собой люк.

Евсей закрыл люк и вопросительно взглянул на Рэба.

– Зачем?

– За лекарством.

Рэб разогнал «бардак» под горку. Пустыши, глупо рискуя, направились на шум приближающейся машины, и пара даже попала под колеса, глухо ударившись о броню.

– Ого! – В глазах Евсея не было и намек на страх. Кажется, его восхитила возможность давить монстров бронированной машиной.

Рэб догнал ползущего лотерейщика, наехал колесом ему на спину и остановился. Тварь еще подавала признаки жизни, когда он выбрался из «бардака». Рэб огляделся и не увидел никакой другой опасности, кроме плетущихся пустышей. Мутант уже перерастал лотерейщика. Челюсти разрослись, из них торчали мощные клыки, ногти загрубели и больше напоминали когти. Кожу покрыли грубые пятна образующейся на ней хитиновой брони.

Руки Рэба помнили каждое движение, необходимое для вскрытия споровой сумки. Острым ножом он проделал аккуратное отверстие, запустил в него пятерню и вынул два спорана. Евсей смотрел на действия Рэба со смешанным чувством страха и брезгливости.

– А ну, назад! – прикрикнул на него Рэб. – Команды вылезать не было!

Мальчишка скрылся в машине и хлопнул люком. Рэб забрался через боковой люк, раскрыл ладонь и показал Евсею два шарика, добытых из головы лотерейщика.

– Вот это то, что даст нам сил и здоровья.

Евсей скривился:

– Я видел, откуда ты достал их. Я не буду их есть.

– Будешь, иначе помрешь. Хотя, если ты собрался помереть, выбирайся из машины и уходи, долго ты не протянешь среди новых жителей твоего города.

– М-м... не, я пока останусь.

– Хорошо. Я тут покашеварю немного, а ты смотри по сторонам.

Евсей кинулся к люку.

– Нет, балбес, по смотровым приборам, если не хочешь, чтобы тебе башку откусили.

Мальчишка промолчал и принялся выглядывать в смотровые щели триплекса, задерживаясь у каждой на пару секунд. Рэб достал бутылку водки, вылил ее в приготовленный для растворения и фильтрации споранов прибор, изготовленный по его чертежам. Внешне он походил на шейкер, в котором бармены готовят коктейли. Только внутри этого прибора имелись два отделения: одно, предназначавшееся для растворения споранов, и отделенная от него фильтром емкость для слива приготовленного живца. На шейкере имелся клапан, соединяющий обе половины прибора.

Рэб положил два шарика в водку и сглотнул слюну в предвкушении: он знал эффект живца. Закрыл прибор крышкой и принялся активно трясти им. Евсей отвлекся на него.

– Коктейль готовишь?

– Ага, панацею от всех болезней.

– Мой батя тоже всякую ерунду мешал: хотел, чтобы наутро не болеть.

– Жаль, что ему не пришлось попробовать такую ерунду, которую я приготовил.

– Не жаль, – коротко ответил пацаненок, и по его ответу Рэб понял всю суть его взаимоотношений с отцом.

Рэб не стал строить из себя ментора, понимая, что ни черта не смыслит в воспитании детей. Он открыл «шейкер», чтобы проверить, как растворились спораны. В нос ударил знакомый отвратительный запах, который все равно казался притягательным. Спораны почти растворились. Рэб потряс еще с полминуты и открыл клапан. В нижнюю емкость с журчанием потекла тонкая струя отфильтрованного живца. Рэб досчитал до ста, закрыл клапан, раскрутил «шейкер» и сделал большой глоток получившегося напитка.

Тепло пошло по телу живительными струями. В голове прояснилось до звона, брюшные мышцы расслабились, тошнота отступила.

– А-а-ах! – Рэб вытер губы. – Кайф! Держи, полегчает.

Рэб протянул Евсею живец. Мальчишка взял в руки металлическую емкость и понюхал напиток. Его передернуло от отвращения.

– Воняет гадостью.

– Это поначалу. Как только ты поймешь, что дает живец, ты полюбишь этот запах и вкус. Смелее! Смотри, как я сразу расцвел.

Рэб почувствовал, как стремительно потекла по жилам кровь, как выровнялись удары сердца.

– Я нос зажму?

– Зажимай, но только проглотить не сможешь с закрытым носом. Я тебе забыл сказать: живец со временем откроет в тебе суперспособности.

– Не ври, – не поверил мальчишка. – Я не малыш, чтобы меня на такое разводить.

– Как знаешь. Один раз ты мне не поверил, а все случилось, как я сказал.

Евсей задышал, как алкоголик перед рюмкой, которую надо выпить, чтобы снять симптомы.

– Занюхать есть? – неожиданно спросил он.

– Блин! – Рэб подскочил и кинулся к своим припасам, вынул из них банку кильки в томате, пробил ножом крышку, отогнул ее и отдал банку мальчишке. Евсей понюхал кильку, задержал дыхание и сделал глоток живца.

– Э-э-э-э, бр-р-р, фу-у-у-у. – Он скривился, словно проглотил целый лимон.

– Заешь скорее! – Рэб протянул мальчишке ложку.

Евсей взял ее, зачерпнул с горкой и закинул в рот. Потом вторую ложку, третью, и так пока не доел все. Когда он отложил банку в сторону, на лице его застыло удивление.

– Я не болею, – произнес он неуверенно. – Совсем.

– Вот видишь, а ты не верил! Теперь надо хорошенько подкрепиться, только свалить отсюда, а то мы с тобой, как три тополя на Плющихе, у всех на виду.

Рэб отогнал машину во дворы и поставил ее носом в сторону дороги, чтобы иметь возможность сбежать по-быстрому. Пока они ели с Евсеем, нафильтровалось еще немного живца.

– По глотку – и все, а то с непривычки потравимся.

– Как скажешь, я уже тебе верю.

Рэб усмехнулся. Они выпили по глотку. Евсей пил живец гораздо смелее.

– Так что, как будем называть тебя в Улье? – спросил Рэб.

– В каком Улье?

– В таком. Мы теперь в другом мире, который называется промеж тех, кто в него попал, Ульем. Это не Земля, мы теперь в каком-то другом месте Вселенной. Здесь происходит непонятное: то ли эксперимент какой ставят на нас, то ли игра продвинутая, то ли ещё что-то такое, что нашими человеческими мозгами не понять.

– А мы-то как туда попали? Это же наш город?

– Кусок города, и скоро мы отсюда съедем, потому что сюда снова подгрузят свежих людишек.

Евсей молча жевал, пытаясь переварить еду и информацию.

– Мамка называла меня Бубка Гоп – за то, что любил прыгать откуда попало.

– Бубка? Почему бы и нет. Хороший спортсмен! Рад знакомству, Бубка! – Рэб протянул мальчишке ладонь.

Пятерня новоиспеченного обитателя Улья утонула в ладони Рэба.

– И я!

– Ну, теперь ты не просто человек, которого занесло сюда, а настоящий выживальщик, который каждую секунду помнит о том, что вокруг смертельная опасность.

– Угу, – согласился Бубка.

– Что «угу»? Давай к приборам, глазей по сторонам, обо всем подозрительном докладывай.

– А? Ага. Я понял. – Мальчишка подскочил и прильнул к приборам наблюдения. – Никого.

– Хорошо, что пока никого. Запомни: долго хорошо в Улье не может быть по определению. Обычно «хорошо» – это когда ты не видишь, откуда к тебе приближается «плохо». Так что «хорошо» – это момент счастливого неведения. – Рэба под влиянием алкоголя – основного ингредиента живца – потянуло на философствования.

– А куда мы поедим? – спросил Бубка, не переставая перескакивать от прибора к прибору.

– А без разницы. Куда дорога выведет. Улей большой, возможностей погибнуть хоть отбавляй. – Рэб осекся, опасаясь неосторожной иронией напугать юного товарища.

– Прикольнo, – ответил совсем не испугавшийся мальчишка. – Да кто нам в танке страшен?

– Тю, тут такие кабыздохи иногда попадают, что и на настоящем танке страшно, а у нас консервная банка по сравнению с ним. Чего там? – Рэб заметил, что Бубка замер у прибора наблюдения по правому сектору обзора.

Мальчишка обернулся. Лицо его было бледным, а глаза сделались по пятаку. Рэб сразу понял, в чем дело, и приложил палец к губам. Бубка еле заметно кивнул и присел на корточки. Рэб, перегнувшись через него, прильнул к окуляру. Посреди двора, между пятиэтажками, прямо на детской площадке, заросшей кленами, ходил кусач. Он явно примерялся к «бардаку», обдумывая способ нападения. То, что он услышал в нем людей, было очевидно, иначе пустая железка его бы не заинтересовала.

– Это «кусач», – шепотом произнес Рэб. – Помнишь, я говорил про него, что он может нам откусить резину с колеса?

Бубка кивнул. Похоже, он находился в прострации. Местные развитые мутанты и впрямь на первых порах вызывали у новичков схожие чувства. Природа словно знала, как перекроить тело человека, чтобы оно начало вызывать неконтролируемый ужас. Рэб сел на место мехвода.

– Садись и держись крепко. Пора нам отсюда валить.

Глава 3

Тварь сразу почувствовала, что добыча собирается сбежать от нее. В несколько прыжков она догнала «бардак» и с ходу запрыгнула на него, молотя когтистыми лапами по крыше. Слышались гулкие удары по корпусу машины, будто по нему били кувалдами. Рев мутанта перекрывал шум двигателя. Рэб завилел на полном ходу, пытаясь скинуть тварь, но «бардак» был еще той машиной. Он слишком медленно выполнял команды.

Бубка вцепился в свое кресло, испуганно глядя на Рэба. Вид у старшего товарища сейчас был не самый обнадеживающий. Рэбу никак не удавалось сбросить тварь. Он решил наскочить на клумбу правым колесом, искренне желая верить в то, что военная техника выдержит такое надругательство.

– Держись крепче, сейчас прыгнем, как твой Бубка! – крикнул Рэб.

«Бардак» налетел правым колесом на белую гипсовую клумбу, в центре которой торчали кусты кучерявой розовой герани. Машина подскочила, но на удивление мягче, чем ожидал Рэб. В маленьком лобовом окошке на мгновение мелькнула крыша здания педуниверситета. «Бардак» проехался на левой стороне несколько метров, серьезно напугав своих пассажиров возможностью завалиться на бок, но все-таки вернулся на четыре колеса. Рэб налетел грудью на руль, но не почувствовал боли. Адреналин полностью ее нейтрализовал. Бубка не удержался и ударился о железную поверхность, разбив в кровь лоб.

Тварь слетела с крыши прямо под колеса. «Бардак» перепрыгнул через нее. Рэб, не останавливаясь, проехал метров сто, остановился и развернулся посмотреть, что случилось с «кусачом». Твари не было видно. Вряд ли ее задавишь даже такой тяжелой машиной. Подранить, переломать кости можно, но не настолько, чтобы убить.

Рэб не знал, как лучше поступить: остаться и добить «кусача», разжиться споранами на перспективу и горохом или же уезжать из этого кластера, как решил раньше. В Улье как-то было принято не поддаваться на слишком очевидные вещи, потому что все легкое часто становилось началом тяжелых проблем.

– Держаться сказал как следует. – Рэб протянул кусок тряпки Бубке, чтобы тот вытер кровь с лица.

– Грязная. – Мальчишка взял в руки тряпку, которой Рэб протирал окошки в «бардаке».

– А чистых нет. Не бойся, столбняка в Улье не бывает, вытри и приложи, пока не оставишь.

Бубка смял тряпку в кулаке и приложил ко лбу.

– Голова не кружится? – спросил его Рэб.

– Нет, ни капельки. Мы его задавили? – с надеждой в голосе спросил мальчишка.

– Не совсем. Они живучие. Пока в черепушку не залезешь, лучше считать их ранеными.

Страшный?

– Во-обще-е-е! Он на меня глянул, я чуть из танка не выбежал.

– Запомни: из танка никогда никуда не выходишь, пока я тебе не разрешу. Там, – Рэб махнул рукой в сторону, где должен был лежать «кусач», – голодные твари, а ты слишком вкусный, чтобы пройти мимо. Запомнил?

– Да. – Бубка втянул воздух через зубы. – Болит.

– До свадьбы заживет, а точнее, через пару часов забудешь, что ударился.

Рэб поехал дальше. Свернул на улицу Горького, чтобы выехать к Уралу в районе автомобильного моста. Как он и думал, имея большой опыт жизни в Улье, кластер обрезало по руслу реки. Мост ровненько обрывался на противоположном берегу, так что по нему покинуть кластер не представлялось возможным. Берег в этих местах был пологим, с пляжем, на котором

до сих пор лежали чьи-то вещи. Рэб с ходу пустил БРДМ в реку. Проехал до половины, прежде чем колеса перестали доставать до дна.

В зеркале заднего вида отразилось движение, Рэб присмотрелся внимательнее. Могучая тварь провожала их с берега взглядом. Мутанты не жаловали воду из-за тяжелых доспехов, выросших на них и тянущих ко дну. Грозный противник был старше «кусача», не младше рубера. Его скинуть с крыши «бардака» было бы гораздо тяжелее.

– Чего? – Бубка заметил встревоженный взгляд Рэба.

– Да вон, провожающий один не успел вовремя. Теперь жалеть будет.

Бубка забыл о боли и тряпке, привстал, чтобы разглядеть в зеркале провожающего, да так и замер, когда это ему удалось. Вид шипастого мутанта, словно вывалившегося из игры об адских созданиях, парализовал его волю безотчетным страхом.

– Смотри на них, привыкай, а то так и будешь впадать в ступор. Этот называется рубером, он очень опасный, его нашими винтовками только пощекотать можно.

– Рубероид?

– Рубер.

– Он плавать не умеет?

– Слава Богу, не умеет. У них природная водобоязнь, тяжеленькие, топориком ко дну идут.

– А там, впереди, нет таких?

Рэб набрал воздух в легкие и медленно выпустил его через раздутые щеки.

– Они теперь везде будут. Здоровые, как этот, не так часто. Но мелочи всегда будет столько, что не расслабишься. Особенно там, где происходит подгрузка свежих кластеров, мутантов всегда много. Если бы не моя придумка с минированием города, здесь бы сейчас кишмя кишело всяких тварей.

– Ха, так это ты? – удивился Бубка.

– Я, – сознался Рэб.

– А мой батя догадался, даже позвонил куда-то, чтобы тебя проверили.

– Серьезно? – Теперь пришла пора удивляться Рэбу.

– Да. Он сказал, что ты мутный тип и от тебя можно ждать всякого, и еще назвал тебя хрипострадальцем.

– Христопродавцем?

– Наверное, я не запомнил.

– Несмотря на все недостатки твоего бати, чутье у него было замечательное.

– А зачем ты это сделал?

– Людей прогнать, чтобы поменьше перенеслось сюда. Не райское местечко, поди.

– А-а-а, понятно. – Бубка снова вытер грязной тряпкой выступившую на ссадине кровь. – Значит, ты хотел лучше сделать?

– Ну да! И тебя хотел за пределы кластера выгнать, но ты упертый, не захотел.

– А я и сейчас не хочу. Тут прикольно.

Рэб засмеялся. Реакция ребенка удивила его.

– Тогда считай, это тебе на день рождения подарок.

– А ты знаешь, когда у меня день рождения?

– Когда бы ни был, другого я тебе не подарю.

– Послезавтра.

– Да?

Бубка коротко кивнул.

– Ну, если повезет, я тебе живчик не из водки, а из коньяка сделаю.

– Я не буду пить, как батя.

– Правильно, как батя, не пей, только для здоровья. К сожалению, спораны в газировке не растворяются, придется пить их алкогольный раствор.

Мальчишка повернулся спиной к Рэбу и устоял на берегу. «Бардак» колесами с грубым протектором поднимал вверх брызги темного ила, выбираясь на берег. За Уралом начался другой кластер, с не типичной для степных краев густой растительностью. Почти сразу за берегом начинался лесной подпушек, обильно поросший борщевиком, папоротником и белеющими над ним зонтиками болиголова.

Рэб высмотрел едва заметную колею посреди сомкнувшейся кроны разнолесья и направил БРДМ по ней. Колеса попали на влажную скользкую почву, но это ничуть не остановило машину, приспособленную к передвижению и по гораздо худшим дорогам. Бубка смотрел по сторонам, зачарованный сумраком настоящего леса. Рэб приоткрыл люк над головой, чтобы в салон попал влажный лесной воздух.

– Здесь грибы, наверное, есть? – предположил Бубка.

– Должны быть, но и грибники здесь конкуренцию не любят. Вообще, лучше в таких местах, где плохой обзор, не останавливаться.

– Ага, – согласился парнишка.

– А тебя отец стрелять из оружия не учил? – поинтересовался Рэб.

– По пьяни давал заряженное ружье, но мамка отбирала, боялась, что его застрелю.

Рэба ответ мальчишки смутил, и он решил больше не касаться темы его семьи.

– Как-нибудь поучу тебя, нам лишний стрелок не помешает. Я бы рулил, а ты отстреливался.

Глаза у Бубки загорелись: видимо, идея пострелять в мутантов пришла ему по душе.

– Да я научусь быстро, я хваткий.

– Хорошо, хорошо, для начала надо место найти спокойное, где пострелять можно.

БРДМ ухнул вниз. Из-за травы Рэб не сразу разглядел, что впереди лощина. На дне ее была лужа. Брызги разлетелись далеко в стороны. «Бардак» чуть не ткнулся в землю носом, но благодаря форме корпуса только слегка проутюжил грязь. Рэб переключился на пониженную скорость и полез на склон. Машину возило из стороны в сторону, но она карабкалась, не давая усомниться в своих внедорожных способностях.

«Бардак» перевалился через край лощины и сразу же уперся в поваленное дерево. Его можно было бы перескочить ходом, но скорость была слишком мала. Рэб сразу почувствовал подвох. В такие совпадения в Улье никто не верил. Останавливаться тоже было нельзя: подожгут или прошьют из чего-нибудь крупнокалиберного. Рэб взял вправо и поехал вдоль дерева.

Машина спокойно справлялась с кустарником и мелкими деревцами, не замедляя хода. Рэб объехал дерево, отметив ровный спил у корня, и снова вернулся на дорогу. Здесь не ждали такого транспорта, скорее всего, надеялись поймать беглых горожан. Место и в самом деле было удобным для организации засад. На такой поступок шли в основном мелкие банды муров, всяких неудачников, не надеющихся на свои силы, и прочей швали, чудом не съеденной в первые дни после переноса в Улей.

Удалившись метров на сто от поваленного дерева, Рэб позволил себе расслабиться. Он почувствовал, как вспотели руки, удерживающие руль. Снова захотелось глотнуть живца. Спораны из головы лотерейщика были какими-то ненажористыми.

– Дай-ка мой термос. – Термосом Рэб называл свой «шейкер» для приготовления живца.

Бубка соскочил с кресла и подал Рэбу тяжелый «термос».

– Открой, – попросил Рэб.

Мальчишка с трудом, сопя, открыл крышку. Рэб взял термос и сделал глоток. Спустя несколько секунд все признаки недавнего напряжения сил тут же растворились в согревающем теле напитке.

– Спасибо! Ты не хочешь?

- Нет еще. Мне хорошо. Тебя напугало упавшее дерево?
- Вообще-то да, напугало, только оно было не упавшим, его подпилили и уронили на дорогу.
- Кто? Мутанты?
- Нет, не видел еще ни одного мутанта с пилой. Люди, конечно же.
- Да? А им зачем? Они что, за мутантов? – Ребенок размышлял еще простыми категориями, предполагая, что Улей разделен на два противоборствующих лагеря: людей и мутантов.
- Не, что ты, они тоже против мутантов, но и не за людей. Эти ублюдки сами по себе, грабят, кого не боятся. Мерзкое отродье, без моральных принципов и сочувствия! Таких здесь много, их никто особо не любит, поэтому убивают при любой возможности.
- Они тоже убивают?
- Да, на потеху себе, без всякой нужды.
- Мой батя был бы с ними заодно.
- Слушай, Бубка, давай про семьи больше говорить не будем. Я понимаю, что у тебя было трудное детство, но оно закончилось. Теперь началась новая жизнь, не стоит за ней тащить из прошлой всякие неприятные воспоминания.
- Ладно. Про батю больше не буду. Он тебя тоже не любил.
- В курсе. Всё, сменили тему. Вперед смотри, а то опять в лощину влетим на полном ходу. Бубка присел на край кресла, чтобы ему было удобнее смотреть вперед. Он молчал минуты три.
- А как отличить хороших людей от плохих? – не выдержал он.
- Хм... хороший вопрос. Я, например, по повадкам человека вижу, что он задумал против меня что-то нехорошее. Или когда он целится в тебя из оружия, тоже, считай, дурной знак. Бубка засмеялся, оценив шутку.

Лесной кластер внезапно закончился. Влажная, размякшая дорога состыковалась с нормальным сухим проселком, идущим сквозь луг, пестрящий цветущим разнотравьем. Рэб сбавил скорость, чтобы оглядеться. Впереди дорога поднималась на холм. Налево обзор закрывал лесной кластер, зато направо было видно довольно далеко. Там лоскутный мир Улья состоял из четких кластеров, разделенных либо рекой, либо дорогой.

«Бардак» поднялся на холм и остановился. Рэб открыл люк, высунул в него «Тигра» и осмотрел в оптику панораму, открывавшуюся с вершины холма. Эта часть Улья, насколько хватало взгляда, состояла из безлюдных кластеров. Деревенские домики были замечены на нескольких, но они не влияли на восприятие.

- Ты пока не вылазь, я один выберусь, огляжусь, – предупредил Бубку Рэб.
- Угу, ладно, – согласился паренек.

Рэб выбрался и первым делом проверил следы на дороге перед машиной. На ней имелись следы от протекторов легковой машины. В десяти шагах – единственный след крупной лапы поперек дороги; видимо, мутант бежал. Рэб зашел в траву и нашёл еще один отпечаток лапы. Сломанные старые стебли остались лежать впечатанными в землю, а молодая поросль успела отрасти. Рэб оценил возраст отпечатка в три дня. Тварь могла спешить к перезагрузке оренбургского кластера, но, вероятно, просто гналась за кем-то.

Ему вспомнился рубер, провожавший их на берегу Урала. Это вполне мог быть и он. Размер лапы подходил. Местный царек, судя по количеству безлюдных кластеров, питался в основном с городского, и в этот раз Рэб устроил ему продовольственное эмбарго на поставку человечины. Стоило опасаться за свои тылы. Голодная тварь вполне могла пойти по следу осязаемой добычи. Рэб глянул через оптику в сторону раскинувшегося на несколько километров в ширину леса. Даже если тварь и была там, он все равно бы ее не увидел. Мысленно Рэб поблагодарил людей, устроивших засаду. Если мутант и пойдет по следу, то обязательно наткнется на них.

Проселок опускался с холма, переходил в новый кластер и менял свой серо-коричневый цвет на терракотовый глиняный. И растительность меняла изумрудно-зеленый оттенок на желтый, будто начала подсыхать. Рэб решил, что привязываться к дорогам на его «бардаке» совсем не обязательно, наметил себе прямолинейный маршрут к кластеру с куском реки и полез в люк. Со стороны леса донеслась беспорядочная стрельба. Его предположение насчет твари, идущей по пятам, подтвердилось. Несчастные организаторы засады могли задержать мутанта на несколько часов.

– Стреляют? – спросил Бубка, когда Рэб уселся в кресло мехвода.

– Угу. Не рой, как говорится, другому яму.

«Бардак» мягко катился по неровностям поля. Проехали мимо трех домов, отрезанных от деревни. Во дворе одного из них стояла раскидистая яблоня, сверкающая красными спелыми яблоками. Рэб чуть не остановился возле двора с яблоней, зачарованный ее обильным урожаем. Откуда ни возьмись выскочил тощий бегун и с ходу влетел в БРДМ. От удара он отлетел, упал на землю, вскочил и кинулся вновь, пачкая машину черной кровью из разбитой морды. Его внешний вид и необузданный голод напрочь отбили весь аппетит. Можно было бы уложить тварь с одного выстрела, но Рэб не хотел поднимать шум, чтобы не давать наводку прочим мутантам.

Кластер с рекой был огорожен оврагом, будто нарочно затрудняющим попадание в него. Это была отличная возможность проверить «бардак» на способность преодолевать крутой подъем. Отвесные стены с осыпавшейся почвой и почвообразующей породой внушали сильные сомнения. Рэб ехал вдоль оврага, пока не нашел более или менее пологий спуск, истоптанный коровьими копытами и обильно усыпанный засохшими «лепешками». Дно оврага в этом месте было мокрым, болотистым и поросло рогозом.

Коровьих следов на той стороне не было, потому что овраг стал местом стыка двух кластеров. Видимо, на другом кластере коров через него не гоняли. Хотелось понять, к какому из кластеров относилось дно оврага. Если через него ходили коровы, то и для «бардака» преодолеть его будет раз плюнуть.

Рэб решил попытать счастья, набрал на спуске скорость и с ходу влетел в заросли рогоза. Волна грязи окатила лобовые стекла. Машина резко затормозила, но не остановилась. Все четыре колеса потащили ее вперед. Со стороны БРДМ был похож на жука, вздымающего над собой струи черной грязи. Полз он почти на «пузе», натужно рыча двигателем, пока передние колеса не зацепились за берег. Машину рвануло вперед, она выскочила из болота и уже гораздо веселее поднялась вверх по склону. В и без того маленьких лобовых стеклах остались только бойницы, прочищенные «дворниками».

До реки больше никаких препятствий не было. Рэб подъехал к берегу, заглушил мотор и некоторое время сидел молча, прислушиваясь к звукам снаружи. Потом открыл люк, высунул в него карабин с оптикой и огляделся по сторонам. В салон снаружи закапала грязь, которая даже на крыше лежала толстым слоем. Рэб успел запачкаться в ней. Он спустился внутрь, нашел в куче вещей складное ведро и выбрался из машины через боковой люк.

– Ты пока не вылазь. Сейчас ополосну свою ласточку, огляжусь, только потом.

– Угу. – У мальчишки уже посасывало под ложечкой, ему жутко хотелось есть, но он не решался сказать об этом Рэбу.

Рэб окатывал речной водой «бардак», пока не смыл всю грязь. При этом он не забывал глядеть по сторонам. С этого кластера открывался вид на однообразный ландшафт, будто его специально подбирали: холмы, степи, редкие кустарники и рощицы по оврагам. Хорошо, что пространство вокруг просматривалось, но плохо, что они сами были у всех на виду.

– Вылезай!

Бубка открыл боковой люк и выбрался наружу. В руках у него был отцовский карабин СКС. Мальчишка сам был чуть больше карабина.

– Грозен! – пошутил Рэб. – Тебя отдача с ног не собьет?

Бубка снял с плеча оружие, встал, правильно расставив ноги и уперев приклад в плечо, и приготовился к стрельбе.

– Беру свои слова назад, – поспешил с признаниями Рэб, не уверенный в том, что мальчишка не зарядил карабин. Выстрел был бы сейчас ни к чему. – Раз уж ты такой подготовленный для жизни в Улье пацан, садись на броню и бди на триста шестьдесят градусов, а я пока ужин нам сварганю.

Бубка ловко, несмотря на вес оружия, взобрался на «бардак» и присел на башню. Рэб даже почувствовал себя в некоторой безопасности, поверив в то, что его юный товарищ серьезно отнесется к порученному делу. Он сам вынул из бардака плитку, газ, консервы, воду и собрался готовить.

Странное солнце Улья уже опускалось к горизонту. От запаха варева подводило желудок. Рэб и не собирался долго готовить, извращаясь в кулинарных тонкостях. За десять минут горячая похлебка из пшена, тушенки и овощей была готова. Рэб налил ее в металлическую миску и подал Бубке вместе с ложкой.

– Не обожгись, – предупредил он.

– Угу, ладно. – Мальчишка сразу застучал ложкой по миске.

Он дул на похлёбку, пыхтел, но все же обжигался и очень торопился есть. Рэб подумал, что он не рассчитал с детским метаболизмом, более быстрым, чем его, и решил, что кормить Бубку надо гораздо чаще.

– Запить дашь? – донеслось с «бардака».

Рэб еще не успел управиться с половиной миски.

– Ого, ты скорый! Может, добавки?

– Давай. А потом – запить. Что-то в горле запершило.

– Так не надо глотать горячее. Ты обжегся, поди?

– Ладно, не буду. Половинку налей.

Рэб налил больше половины, уверенный, что и это осилит его тощий товарищ.

– Рэб! – крикнул Бубка.

– Что? Доел?

– Не, иди сюда!

Рэб поднялся и подошел. Закатное солнце светило в глаза, мешая разглядеть то, что показалось Бубке подозрительным. Рэб приложился к прицелу «Тигра», взяв под обрез солнечного диска. По полю, в цепь, друг за другом передвигались темные силуэты, горбившиеся под весом тяжелых ранцев и оружия.

– Люди? – спросил Бубка.

– Да, солдаты удачи, рейдеры, баракольщики. Охотятся за всем, что можно продать. В первую очередь – содержимое черепушек мутантов, потом – оружие, артефакты всякие из другого мира, фильмы, музыку.

– Они опасные?

– Если уверены в своем преимуществе, то да.

– Они нас не заметили, – предположил Бубка.

– А то, если мы их заметили, то они нас и подавно. Я же тебе говорил: Улей со временем обнаруживает в человеке сверхспособности и развивает их. Там, в группе, стопудово есть сенсы, которые чувствуют за километр присутствие человека или мутанта. А может, есть и такие, как мой знакомый Пират, земля ему пухом; тот умел единственным глазом, как биноклем, пользоваться. Мы с тобой – новички, у всех на виду.

– Так ты же был здесь. У тебя не сохранилось?

– Я был не так, как ты думаешь. В этом теле я еще не был.

Бубка свел брови вместе, пытаясь понять сказанное.

– А я смогу получить сверхспособности?

– Поживем – увидим.

Расхожая фраза подходила для Улья намного лучше, чем там, где была придумана.

У Бубки обнаружили следы живцового голодания раньше, чем у Рэба. Рэб глянул в свой сосуд для его приготовления и вздохнул.

– Один глоток – и до утра.

– Ладно. – Бубка сделал большой глоток, уже совсем не морщась.

– Вкусно?

– Ага. Мамка квас такой делала.

– О, сочувствую! Квас с таким вкусом я бы не стал пить.

Стемнело. На душе у Рэба было тревожно из-за группы рейдеров. Если они определили в них новичков, то ночью вполне могли явиться, позарившись на его «бардак» и припасы. Мутанта Рэб боялся даже меньше. Прежде чем забраться в БРДМ на ночевку, Рэб выставил перед ним с каждой стороны по фотоловушке со вспышкой и динамиком, издававшим короткий, но сильный высокочастотный звук. Задача его была не пугать, а будить, если караул пойдет не по плану. Ловушка срабатывала от датчика движения, настроенного на расстояние в пять метров при большом угле обзора, позволяющем перекрыть подход к «бардаку» через мертвую зону. А вот вспышка могла на время дезориентировать противника – без разницы, мутанта или человека. Рэб лично на себе проверил ее действие ночью и даже утром не мог избавиться от оставшихся на сетчатке световых пятен.

– Ты, Бубка, ложись спать, а я встану на караул. Утром поменяемся. – Рэб вынул из своих припасов небольшое стеганое одеяло с синтепоновым наполнителем, сложил его вдвое и положил за креслами. – Спи.

Бубка, казалось, только этого и ждал: сразу упал на него, свернулся калачиком и, кажется, мгновенно уснул. Рэб посмотрел на него и подумал о том, что реакция пацана на то, что с ним случилось, довольно нестандартная. Обычно Улей на первых порах корежит людей, заставляет их истерить, впадать в крайности, что способствует массовой гибели новичков. Бубка вел себя так, будто не потерял родителей, а попал в сказку.

Рэб закрыл передние окна бронешитками, пробрался в центр машины и сел на подвесное кресло стрелка, вращающееся заодно с башней. Взял в руки крутилку, отвечающую за поворот башни, и сделал полный оборот. Тьма опустилась такая, что видимости не было никакой. Рэб решил больше положиться на слух. Замер, затаив дыхание. Бубка сопел во сне, снаружи стрекотали сверчки, где-то далеко громынуло, как во время грозы (может быть, подгрузился кластер с ней, а может, просто переагружился так шумно. В Улье часто бывало и такое).

Рэб дернулся, потеряв равновесие, уснул, сам не заметив, когда. Похлопал себя ладонями по щекам, потер уши, затем крутанул башней «бардака» – на всякий случай. Усталость и перенапряжение давали о себе знать. Звездное небо подсветило подлунный мир. Теперь он стал похож на декорацию из театра теней: черные силуэты на чуть более светлом фоне. Как говорил дед, на войне каждый куст на немца похож, так и в Улье – каждый силуэт был похож на мутанта.

Рэб на ощупь достал из коробки с едой шоколад, чтобы взбодриться. Почему он не подумал о приборе ночного видения? Сейчас бы ему было гораздо спокойнее. Ненужные переживания только утомляли и без того утомлённый организм. Рэб приложил кружку к броне и поставил к ее дну ухо. Улей не спал. Сотни разных звуков смешивались в общий фон, из которого сложно было выделить интересующий. Рэбу послышался топот, но, видно, только послышался. Остывающее железо могло издавать такие звуки. С прибором ночного видения было бы гораздо спокойнее.

Время тянулось медленно. Рэб выдержал всего час, но по внутреннему таймеру прошли все пять. Сон накатывал волнами, подавляющими волю. Рэб тер уши, стучал себя по щекам,

прикусывал губу. Эффект от упражнений длился несколько минут, а потом сон с новой силой принимался душисть в своих объятьях его измученное тело.

Рэб собрался покуситься на остатки живца, чтобы получить свою порцию бодрости, но остатками воли отказал себе в этом. Напитка оставалось слишком мало, а без имеющегося запаса на день-два хлебать живец по первому желанию – полное малодушие. Можно было попробовать выпить кофе, хотя его кофеин действовал только на тех, у кого и без того бессонница. Рэб нашел банку с растворимым кофе, высыпал себе три ложки с горкой в железную кружку и разбавил холодной водой.

Рэб приложился к кружке. От кофе исходил ядреный аромат, а на вкус он сильно горчи. То, что надо в его ситуации. Вдруг яркая вспышка, как молния, сверкнула сквозь щели в бронешитках. Тут же раздался короткий визг, и почти сразу же осветился экран телефона, уведомляя о передаче снимка с фотоловушки.

Рэб выронил кружку прямо на спящего Бубку и бросился на кресло мехвода. Сознание заработало по заранее выработанному алгоритму. Если на снимке имелся мутант, надо было уходить в реку, если люди – то просто удирать, куда глаза глядят. Рэб завел «бардак», подсознательно ожидая либо удара, либо взрыва. Вынул телефон и трясущимися, непослушными руками добрался до снимка. На экране, на контрастном черно-белом снимке запечатлелся мутант-руббер. Его глаза светились адским светом, отраженным от сработавшей вспышки.

Рядом с «бардаком» раздался рев, и тут же удар сотряс его. Бубка подпрыгнул и вытаращился на Рэба, но тому было не до мальчишки. Он выставил волноотражательный щиток и съехал в реку, спасаясь от мутанта. Тварь еще раз ударила вдогонку по машине. Показалось, что ей удалось смять бронированный корпус военной машины.

«Бардак» мягко поплыл. Рэб включил водомет, но там что-то затрещало, и пришлось его выключить. Машина двигалась только за счет колес.

– Это кто? Это что было? – затараторил Бубка, все еще не понимая, что случилось.

– Старый знакомец, пришел-таки за нами по следам. Если бы не ловушки, застал бы нас врасплох.

– Он нам машину помял?

– Да, кажется, крышку водомета придавил.

– Что нам делать теперь?

– Будем от берега к берегу плавать, пока кому-то из нас это не надоест. Тут по кругу километра три вокруг реки бегать, так что, я думаю, тварь запалится первой. Когда рассветет, мы ее еще из винтовочки пощекочем.

– А почему бы не удрать совсем? Мы же быстрее, – с надеждой в голосе спросил испуганный мальчик.

– На пересеченке не быстрее, еще и вговняемся в какой-нибудь овраг впотьмах. Плавать будем туда-сюда, пока этого рубера не вырвет от головокружения.

Тварь дала мощного ревака с берега. Бубка испуганно зажал уши. Рэб чертыхнулся. Ему не хотелось, чтобы мутант поднял на уши всю округу. Хотелось уладить конфликт полюбовно, один на один, без лишних зрителей, мешающих выполнить заранее продуманный план. Рэб включил передние фары. Берег неширокой реки был уже в нескольких метрах. «Бардак» загреб вправо и двинулся вдоль реки.

Мутант двигался параллельным курсом, не отставая от машины, надеясь перекусить спрятавшимися под ее панцирем деликатесными человечками. Можно было шугануть его из «Тигра», но Рэб решил в темноте зря не тратить боеприпасы. С рассветом, если рубер все еще не передумает, можно будет выцелить ему живот или гортань и попробовать отбить меткими попаданиями неумный аппетит.

Рубер не передумал. На его рев сбежались мутанты помельче. Они расселись вдоль реки, боязливо разбегаясь при приближении крупного сородича. Рубер, как одержимый, носился

вдоль берега, иступленно ревя и делая попытки забраться в воду. Жидкая среда его пугала, к большой радости Бубки, вцепившегося побелевшими пальцами в спинку кресла.

– Вот тебе и в гостях у сказки! – Рэб вспомнил свои мысли насчет Бубки, принявшего Улей как хорошую замену обычной жизни. – Отцепись от него, лучше чаю мне согрей.

Бубка испуганно, ничего не понимая, взглянул на Рэба. Он не собирался разогревать чайник или делать еще что-то, кроме сидения в кресле. Кажется, настоящий смысл жуткого мира, в который его занесло, начал открываться ему во всей своей пугающей сути.

Рэб задумался над тем, как вывести мальчишку из ступора: дать ему подзатыльник или же попытаться увещевать словами, что он умел профессионально.

– Мы в безопасности, Евсей. – Рэб посчитал, что привычное имя сработает как ключик, открывающий дверь в прошлую безопасную жизнь. – Тварь нас не достанет здесь, а с рассветом мы ее шуганем из винтовки твоего папаши. У меня все под контролем.

Словно в насмешку над его увещеваниями, в борт машины прилетел какой-то предмет, гулко ударивший в корпус. Бубка замер, а потом мелко задрожал. Взгляд его совсем не изменился. Рэб сам испугался не на шутку, не ожидая никаких сюрпризов, кроме запланированных. Он открыл люк над головой, чтобы разглядеть причину удара, и чуть не поплатился за это. Бледная лапа, вылетевшая из тьмы, попыталась вцепиться Рэбу в лицо. Хорошо, что люк был открыт на несколько сантиметров. Рефлексы позволили Рэбу успеть закрыть люк. Следом мощные удары заколотили по крыше «бардака». К ударам примешивался знакомый клокочущий звук, исходивший из глотки голодных мутантов.

Рэб упал в свое кресло. Теперь и его взгляд немногим отличался от взгляда Бубки.

– Он ими бросается, что ли? – Рэб не мог поверить, что рубер нашел выход из ситуации.

Других вариантов, связывающих удар о броню и появление мутанта, Рэб не придумал. Жестокая, но умная тварь решила достать их живыми бомбами. Если бы Рэб носил шляпу, он снял бы ее перед рубером, признавая его сообразительность.

– Ничего страшного, – успокоил он Бубку. – На наши планы одна тварь со слабыми ручками никак не повлияет.

Совсем рядом в воду плюхнулось что-то тяжелое.

– Недолет! – обрадовался Рэб.

Через полминуты гулкий удар о броню, последовавшее за ним клокотание и удары, добавившиеся к тем, что уже были, дали понять, что огромная тварь преуспела в метании сородичей. По классике боя, пора было уже дать хоть какой-нибудь ответ. Облепленный мутантами «бардак» через десять метких бросков мог пойти на дно.

Рэб направил машину на противоположный руберу берег. Выскочил на земную твердь и закружил на ней восьмерками. Твари сорвались, но снова бросились на броню. На этом берегу их было много, и некоторые уже переросли стадию лотерейщика. Запрыгнуть и удержаться на броне не удалось никому, а вот попасть под острый нос «бардака» и колеса могли многие. «Бардак» глухо встречался с препятствиями и мягко перескакивал через них колесами.

– Всё, пора возвращаться, скоро и рубер будет здесь.

Рэб снова заехал в воду. Рубер, поняв, что его надули, заревел. Однако рев его донесся издалека. Видимо, он находился на самом краю кластера, пытаясь обогнуть полосу реки. Рэб без страха откинул люк и выбрался в него вместе с «Тигром». Полоса света озарила горизонт. Ее свечения хватило для того, чтобы разглядеть «зоопарк» на берегу. Хотя они с Бубкой были больше похожи на животных в клетке.

Рэб прицелился в орущего лотерейщика и выстрелил ему в голову. Тварь запрокинула ее и рухнула. Реву на берегу поубавилось. Рэб взял в прицел топтуна, пытающегося быть главным до прихода рубера. Кости на голове у него разрослись достаточно, чтобы выдержать попадание пули от автомата, но не более. Топтун бегал вдоль берега, мешая прицелиться. Рэб выстрелил твари в грудь, под руку, когда она стала боком. Топтун не понял, что произошло, закричал,

замахал лапами, но все слабее, пока не повалился навзничь. Рэб, скорее всего, не убил его (у тварей была прекрасная способность к регенерации), но надолго вывел его из игры.

Прибежал рубер и с ходу схватил в лапы мелкого спидера. Рэб успел выстрелить в несчастного, прикончив его во время замаха. Рубер все равно бросил тварь. Она безвольно ударилась о броню машины и свалилась в воду. Пришло время заняться непосредственно рубером. Рэб навскидку выстрелил ему в живот. Тварь заревела и повернулась к Рэбу защищенной спиной.

– Ничего, мы и в спину тебе постреляем.

Мутант, постоянно двигаясь, не давал выцелить ему недостаточно защищённые места. Рэб пожалел припасы для «Тигра» и крикнул:

– Бубка, подай мне СКС!

В салоне загремело, и вскоре Рэб ощутил в руках ствол карабина. Мальчишка, кажется, вышел из ступора.

– Снаряжай обоймы! – крикнул Рэб, целясь в темный силуэт рубера.

Три выстрела подряд заставили рубера перейти на дикий рев. Он смёл ударом двух случайно попавшихся ему под лапу лотерейщиков, схватил и швырнул их в машину. Но крупные мутанты не захотели лететь и упали у самого берега. Бессилие привело рубера в ярость. Он принялся молотить всех, кто был рядом. Испуганные твари брызнули в стороны, понимая, что им ничего, кроме оплеух, здесь не светит.

Рэб выстрелил в живот мутанту, потерявшему осторожность. Темное брюхо окрасилось черной кровью. Тварь бросилась было в воду, ослепленная больше яростью и жадой мести, чем голодом, но Рэб прицельным огнем в морду заставил ее выскочить на берег. Взвизгнув на прощание, как раненая свинья, рубер рысью побежал в сторону лесного кластера.

Рэб облегченно выдохнул.

– Всё, кажись, отбились, – произнес он в темное нутро «бардака».

– А я тут обоймы снарядил, – ответил Бубка слегка дрожащим голосом.

Заря занялась, осветив окрестности красноватым светом. Мутанты, распуганные рубером, возвращаться не спешили. Рэб выкатил «бардак» на берег, чтобы собрать разбросанные фотоловушки и проверить повреждения, нанесенные рубером. Заслонка, закрывающая гребной винт, на самом деле оказалась вмятой и задевала за него. Бубка сидел на броне с отцовским СКС и контролировал ситуацию.

– Страшно было? – спросил Рэб, складывая фотоловушки в салон.

– Я, блин, я половины не помню. Я как во сне был. У нас, когда отец пьяный буянил, мамку бил или меня, я тоже мало помнил. Мамка говорила, что у меня защитная реакция.

Ответ мальчишки покоробил Рэба. Кажется, Валера серьезно повредил своему сыну психику.

– Ты, это, Бубка, должен понимать, что здешние мутанты – это не злой отец. Отцу ты не мог дать сдачи, потому и терпел и придумал себе защитную реакцию, и мамка твоя терпела, не смея пойти против отца. В Улье терпеть не надо. Бояться можно и нужно, но не терпеть. Мутанта можно и нужно убить, поэтому будь готов применить против него оружие. Пусть лучше он впадает в оцепенение при виде тебя.

– Пс-с-с, меня? – переспросил пацаненок. – Я же мелкий и не страшный.

– Как сказать – не страшный. По-моему, даже очень. В смысле – опасный, с этой винтовкой. Обещаешь, что ты не раздумывая выстрелишь в мутанта, который будет представлять для нас опасность?

– Угу, ладно, обещаю, – неуверенно ответил Бубка.

– Что-то не чувствуется боевого задора.

– Ладно, выстрелю.

Рэб огляделся по сторонам и увидел ползущего лотерейщика, которому рубер переломал все кости. Тварь, хоть и еле живая, все равно пыталась ползти к людям.

– Вон, видишь эту полудохлую тварь? – Рэб показал на лотерейщика. – Пристрели ее. Мальчишка привстал.

– А куда стрелять?

– В голову, если не хочешь поиздеваться над ней.

– Не, не хочу. Мне ее жалко даже.

– Мне тоже, но когда она доползет, то захочет съесть тебя, поэтому нам придется убить ее – в смысле, тебе.

Бубка встал на коленки, расставив их под прямым углом, уверенно упер карабин в плечо, целился несколько секунд и выстрелил. Пуля пробила мутанту череп и вышла из подбородка, подняв фонтан земли, смешанной с кровью. Лотерейщик дернулся и замер.

– Поздравляю! Ты завалил лотерейщика, не самого мелкого мутанта.

– Спасибо!

– Пойдем завтракать. Проголодался, поди?

– Жутко! Живец дашь?

– Конечно, теперь у нас есть несколько черепушек, в которых завалились спораны.

Рэб нашел в убитом лотерейщике один споран, в другом, убитом рубером, – еще два. Остальные убитые мутанты были слишком молоды для этого. Раненый топтун исчез, оставив надежду получить сразу большое количество споранов. Пока кипятился чайник, Рэб в своем «шейкере» взболтал раствор из споранов и поставил его фильтроваться. Оставшийся на утро глоток вчерашнего живца они разделили с Бубкой пополам. Жидкость придала им сил и улучшила аппетит.

Следов ночного переживания на мальчишке не осталось совсем. Он активно стучал ложкой по миске, громко сопел и хлебал, поглощая еду с большим удовольствием. Рэб смотрел на него и верил, что Улей, даст Бог, воспитает из мальчишки настоящего бойца.

Бубка первым услышал шум и замер.

– Что? – Рэб заметил его напряженную позу.

– Шум, от двигателей.

Рэб выглянул из люка, поднял в него «Тигра» и приложился к прицелу. В полукилометре от них по проселку ехали пять машин, две из которых были вооружены крупнокалиберными пулеметами. На машинах имелся серьезный обвес для тарана мутантов. Мысли заметались в голове. Бежать или остаться? Рэбу стало страшно при мысли, что у них отожмут «бардак». Без него они, как черепахи без панциря. Бежать тоже было поздно.

Рэб залез внутрь машины.

– Кто там? – спросил Бубка, пытаясь понять по выражению лица Рэба степень опасности.

– Сиди тут и не вылезай, даже если услышишь выстрелы. Обещаешь?

– Угу. Только ты... это... не строй из себя гордого, – дал неожиданный совет Бубка.

– Хорошо. – Рэб выбрался наружу через боковой люк, оставив оружие в машине.

Глава 4

Правило золотой середины Варн, ставший в Улье Миражом, постигал на собственном горьком опыте. Преисполненный трогательного поклонения Рэбу и его вере в жертвенность как смысл жизни, он чуть не лишился головы. С первых же дней в Улье Варн стал собирать новичков в общину, по образу и подобию общины Рэба. Народ, напуганный смертельным миром, послушал его, доверился, и поначалу всё шло, как надо.

Благодаря жемчужине из головы Рэба-мутанта Варн быстро развил в себе дар, позволяющий создавать двойников-призраков, за что его и прозвали Миражом. Этот дар здорово помогал во время разборок с врагами из числа людей и мутантами. И все шло хорошо: община вооружилась, построила укрепления на выбранном стабе, заработала себе репутацию опасного противника, и казалось, впереди её ждет вполне определенное будущее, лучшее, чем у большинства людей в Улье.

В определенный момент Мираж почувствовал натренированным за годы службы чутьем, что в его близком окружении затевается какой-то заговор. Только случай помог ему избежать смерти. Миража хотели убить во сне те люди, которых он считал своей опорой и даже друзьями. Его вера в жертвенность во имя блага других дала трещину.

Мираж сбежал из стаба и некоторое время перебивался тем, что нанимался в рейдеры, выступая в группе в качестве голографической наживки. Как-то ему попался один из тех, кто предал его. От него Мираж узнал, что после его бегства стаб просуществовал два месяца, интриги и дразги доконали общину. Кто-то открыл ворота врагам, и община перестала существовать.

– А меня-то за что вы хотели убить?

– Мы думали, что ты слишком мягкий лидер, но присвоивший себе много власти. Добровольно ты бы не отказался от нее, вот мы и решили...

– Ясно: значит, лучше убить человека, чем спросить?

Мираж организовал вторую общину, но уже используя те навыки, которым был хорошо обучен за время службы во «внешке». Он все так же был уверен в том, что делает людям добро, только совершенно другими методами. Эта община просуществовала еще меньше, чем первая. Народ, не желая терпеть удавку из жестких правил и наказаний за их нарушение, быстро пришел к мысли устроить покушение. Миражу опять повезло, и он остался жив, хотя и был ранен.

Отлеживаясь в одном вонючем стабе-притоне, Мираж размышлял о том, что же он делает не так. Ему очень хотелось поговорить об этом с самим Рэбом, но времени до его возвращения было еще слишком много. Да и вернется ли он в Улей снова? Что, если он забыл его, как страшный сон, и теперь крестится, прося Бога не возвращать его обратно? Мираж не хотел в это верить и потому не уходил далеко от кластера, в который должен был загрузиться его сэнсэй.

Был и второй вариант: отправиться в стаб, созданный Рэбом, и расспросить его обитателей о том, как удалось этому человеку объединить их, сдружить, превратить в настоящее общество, способное противостоять вызовам смертельного мира. Только стаб, организованный Рэбом, находился очень далеко, и дорога к нему была опасной. К дате возвращения Рэба можно было и не успеть.

Иногда Миражу хотелось плюнуть на это неблагодарное занятие – делать добро людям – и жить так, как хочется. Выбор предпочтений в Улье, правда, был невелик, да и не хотелось особо ничего из этого бедного списка. В душе Мираж иногда ловил себя на том, что чувство соревновательности в нем никуда не исчезло. Что все его попытки организовать общину – не что иное, как желание перещеголять Рэба, чтобы показать тому по возвращении в Улей

свой процветающий стаб, в котором он – добрый и справедливый бог, окруженный любящей паствой.

Случилась и третья попытка организовать общину, в целом – удачная, с учетом предыдущего негативного опыта. Мираж просто собрал людей и сказал им, что если они не будут слушать его и держаться вместе, то скоро все станут закуской для мутантов. Он дал им сутки на размышление, серьезно решив по их истечении бросить новичков. Не прошло и десяти часов, как они на коленях бросились умолять его взять их под крыло.

Не считая мелких дрызг, Миража слушались и почитали, но до уровня Рэба он все равно не дотягивал – так, обычный начальник, которому показывают, что уважают, а за глаза сочиняют басни. Община разрослась до двух сотен человек. В ней наметилась иерархия и распределение обязанностей по подобию медицинской службы «внешников». Тут Мираж не стал ничего выдумывать, просто взял работающую версию и перенес ее в общину.

Эгоистом Мираж быть не перестал. В общине он был окружен людьми, среди которых у него не было друзей. Он и не стремился их завести, не чувствуя в этом надобности. Однажды он понял, что ему всё равно, быть с людьми или быть одному, и решил подготовить общину к своему уходу. Возвысил одного из своих помощников, чтобы передать ему бразды правления, и тихо скрылся.

Как оказалось, сделал он это вовремя. Прошлого, о котором он уже успел забыть, напомнило о себе. За Миражом началась охота, и, судя по почерку, ищек тренировали «внешники». Они не могли отследить его по ДНК: будучи офицером, Мираж сумел подменить сведения о себе. Ищейкам приходилось искать его по фотографиям.

Тот холеный, гладко выбритый Варн не слишком походил на Миража, заросшего бородой, одетого в грязную разгрузку. Может быть, глаза остались теми же – серыми колючими, сканирующими. Улей полон людей, одаренных разными способностями, и нашелся среди них свой Шерлок с развитой дедукцией. Он-то и навел на Миража ищек.

После третьей попытки создать общину Мираж загрузил. Не было никакого смысла в его нахождении в Улье, и эта мысль вгоняла его в депрессию. Мираж пристрастился к алкоголю и часто пропадал в баре на стабе под названием «Колючка». Его основатели, видимо, не испытывали недостатка в колючей проволоке и оградиле ею поселение в несколько рядов.

Когда спораны подходили к концу, Мираж нанимался к рейдерам; благодаря его способности группа всегда была с уловом. Так что возвращался он в «Колючку» с полным рюкзаком споранов и гороха, а нередко и с жемчужиной. Часто он угощал всех, кто находился в баре, ему доставлял некоторое удовлетворение вид искренне счастливых физиономий завсегдатаев бара.

Как-то вечером, отоспавшись после хорошего гуляния накануне, еще почти трезвый Мираж почувствовал к себе пристальный интерес. Двое новеньких сидели в плохо освещенном углу бара, думая, что их интерес к Миражу незаметен. Мираж тоже делал вид, что ничего не замечает, хлестал водку, как в последний день жизни, но только на публику. Он пил обычную воду, заменив водку в бутылке.

Он сделал вид, что надрался, осмотрел бар одним глазом, как допившийся до расфокусировки зрения алкаш, и неверной походкой направился к выходу.

– Я... освежиться, – громко произнес он, проходя мимо бармена.

В дверях он сильно врезался плечом в косяк, чтобы иметь возможность незаметно разглядеть реакцию подозрительных типов. Они не спускали с Миража глаз. Теперь он был уверен, что кому-то за чем-то понадобился, и по не совсем хорошему поводу. Иначе зачем весь этот спектакль с подглядываниями, если куда проще было подойти и спросить?

Мираж вышел из бара. На дворе уже была ночь. Над дверью висел фонарь, но за границей его света царил непроглядная темнота. Мираж спрятался за баром, за кустом акации. Не прошло и минуты, как дверь бара хлопнула, и послышались голоса. Мираж закрыл глаза и

выпустил фантома – двойника самого себя. Когда он зажмурился, то мог видеть мир глазами призрака.

Двое, те самые подозрительные личности, стояли на пороге и мялись, не зная, куда идти. И тут под свет фонаря вышел Мираж, совершенно трезвый, сложил руки на груди и вопросительно уставился на них. Мужики замешкались еще сильнее. Если они пытались стяжать лавры профессиональных убийц, то шансов дожить до следующего дела у них не было никаких.

– Варн? – наконец-то решился спросить один из них.

Призрак Миража молчал и продолжал смотреть вопросительно. Один из подозрительных типов резко выдернул руку из кармана куртки. В ней оказался пистолет с глушителем. Убийца выстрелил навскидку три раза в призрака, но вместо того чтобы упасть, Мираж рассеялся, как и положено фантому.

Настоящий Мираж выстрелил в убийцу из-за угла бара и взял на мушку второго. Тому ничего не оставалось, как поднять руки. На шум выбежали люди, и чтобы Миража не обвинили в нарушении порядка, напарнику убитого пришлось признать, что они первыми решили убить его и взять на себя оплату штрафа за нарушение порядка.

Мираж устроил допрос. Напарника убийцы звали Стендом. История получения такого дурацкого имени не слишком интересовала Миража.

– Кто... тебя... нанял? – делая после каждого слова паузу, спросил Мираж.

– Я не знаю. Нам сделали хорошую предоплату, выдали «волчий» пропуск и обещали заплатить по выполнению задания в два раза больше.

– «Волчий» пропуск. – Мираж покачал головой.

В некоторых частях Улья «волчьим» пропуском называли особую незаметную метку, вшитую под кожу. Она давала свободу от патрулей «внешников», обозначая ее носителя как человека на задании в интересах службы. Миража озадачило желание бывших коллег ликвидировать ренегата. Зачем? Оказавшись в Улье, для них он все равно что умер. Неужели его поступок – спасение мутанта – вызвал брожение умов в отлаженном механизме? Они собирались привезти его труп и показать сослуживцам: дескать, вот что с вами будет за слушание.

Система – это все. Для некоторых ее адептов, достигших вершин карьеры, любой намек на ее изменение, а тем более на перестройку, подобен смерти, и даже больше. Не для того потрачено столько сил, энергии и лет, чтобы оказаться на вершине того, чего больше нет.

Других причин желать ему смерти Мираж не видел. К своему удивлению, он не расстроился, не впал в еще большую депрессию; наоборот, его существование наполнилось смыслом. Он почувствовал Игру, правила которой он знает и способен выиграть. Игра наложила на него ограничения в свободе передвижения, свободе быть на публике, заставила следить за своим языком и за теми, кто его слушает. Это было не сложно; это было то же самое, что и на его работе в медицинской службе «внешки». Только теперь работа не смердела рутинной, она источала благовония настоящей Игры, от мыслей о которой у него поднимался уровень адреналина и чувствовалось приятное томление в груди.

Мираж понял, что больше не хочет жертвовать собой ради других, что это не его путь. Ошибкой было примерять чужую жизнь на себя, и как результат неправильного выбора он чуть не лишился своей. Убийцы-неудачники открыли ему правильную дверь, за которой шла Игра по его правилам.

Первое, что он сделал, – создал группу мотивированных рейдеров, с которыми удалось набить рюкзаки дорогостоящим добром. С ними он бродил от кластера к кластеру, сдавая добро на стабах и попутно формируя сеть информаторов. Из группы рейдеров, поверивших в его удачливость, сформировался костяк людей, беспрекословно веривших Миражу. Это были слепые, но беззаветно преданные исполнители. Такие люди были нужны для выполнения деликатных дел, связанных с «грязной» работой. Информаторы сдавали очередных ищеек, а люди

Миража пускали их в расход. Причем Миражу хотелось сделать это так, чтобы на том конце знали, чьих рук это дело.

В какой-то период времени ищейки исчезли, и Мираж было подумал, что он больше не интересен, но затишье было просто необходимо для изменения тактики. На смену ищейкам пришли отряды отмороженных убийц, набранные из отбросов человечества. Кто-то на том конце Игры решил отойти от тактики хирургической эктомии к тактике прихлопывания проблемы обухом топора.

За отрядом Миража следовала слава самой успешной группы рейдеров в округе, что в итоге выдавало ее местонахождение. Сдав крупную партию хабара, мобильные группы охотников получали сигнал и пытались сесть на хвост отряду. Поначалу Мираж считал, что с ними пытаются свести счеты конкуренты, но после одного беспричинного зверства, учиненного якобы его людьми в недавно покинутом ими стабе, Мираж решил взять «языка».

В небольшом лесочке на пустом кластере отряд перехватил дозорный автомобиль. Публика в нем находилась колоритная, и без предварительных расспросов их уголовное прошлое было очевидным – от «партаков» со значениями до отсутствия всех передних зубов и характерной уголовной речи. Господа из остановленного автомобиля не испугались и сразу же начали качать права, мешая свой жаргон с отборным матом, апеллируя к каким-то именам, о которых в этих местах никто не слышал.

Боевой настрой уголовников испарился после того, как одному из них, самому дерзкому, срубили кисть, которой он пытался неосторожно размахивать. После этого признания потекли из их уст сладким елеем. Те, кто затеяли охоту на Миража, решили сделать так, чтобы у него земля горела под ногами. Отряды муров и прочей швали, помимо охоты на его отряд, пытались выдать свои зверства за зверства людей Миража. После такой антирекламы ему и впрямь пришлось бы уносить ноги куда подальше.

Ставки в Игре поднялись, как и количество задействованных в ней людей. Большинству была отведена роль статистов, отыгрывающих ее помимо своей воли. Мираж не смирился с ролью жертвы и решил дать бой – пока что «шестеркам», но в будущем он желал дотянуться и до горла тех, кто лично решил устроить на него охоту.

Его так сильно увлекло противостояние, что он начал забывать о том, что ждет возвращения Рэба – человека, кардинально изменившего его мировоззрение и судьбу. По части мировоззрения влияние Рэба уже не было таким актуальным, потому что оно изменилось кардинально еще раз. Теперь Мираж понял, что он – лидер, но лидер другого склада, он – вождь, организовывающий и ведущий людей к цели, его цели. Ему нравилось манипулировать сознанием людей, подчинять и видеть послушание. Когда он предпринимал попытки построить равноправное общество, такого беспрекословного подчинения не было. Но когда началась Игра, все встало на свои места. Ради целей, которые, вроде бы, были интересны только Миражу, народ подчинялся и шел на риск.

В тот день, когда подгрузился оренбургский кластер из времени и пространства, в котором жил Рэб, Мираж находился далеко, увлеченный собственной Игрой. Когда-то он мечтал находиться рядом во время подгрузки и броситься искать старого друга сразу после того, как кластер копируется в Улей. Теперь все, на что он сподобился, – это через доверенных лиц устроить небольшую зачистку окрестностей от лишних мутантов да выслать кортеж для встречи.

Вне зоны своего влияния слава о Мираже расходилась сомнительная, и чем дальше, тем более кровавой она была. Народ в Улье и так каждую секунду жил в смертельном страхе, и ему не хотелось терпеть еще одну причину для страха. Кортеж, отправленный Миражом, сгинул по дороге, так и не успев к перезагрузке кластера с Рэбом.

Мэрше пришлось возглавить отряд, отправившийся на поиски группы Дизеля. Они ушли на разведку, чтобы проверить слухи насчет каких-то непонятных групп, появившихся в суточном переходе от «Затерянного мира», и не вернулись к назначенной дате. В последнее время в стабе и так все шло наперекосяк. Поселок разделился на две группы. Те, что пришли с Рэбом, и те, что появились позже, на почве непримиримых разногласий разошлись в противоположные концы стаба. Новенькие, жители Андорры, не смогли сломать языковой барьер и свой менталитет. Ветераны, чувствовавшие себя хозяевами стаба в большей степени, считали их поведение высокомерным.

После разделения каждая часть стаба занялась своим обеспечением самостоятельно. Дизель и Скорняк, усилив свои умения и наработав еще больше опыта, считались просто ультимативными охотниками. Дизель развил свое умение ночного зрения до совершенства, Скорняк обрел необычный навык маскировать себя и товарищей рядом с собой. И зрительно, и на слух, и даже обоняние мутантов не могло уловить присутствие людей. Только Скорняка хватало не больше чем на пару минут. Крофт, дочка Дизеля, превратила свое умение в колдовство, выворачивая сущность людей наизнанку.

Только Скорняк лежал на вытяжке, после того как чуть не попал в перезагрузку стен кластера. Ему пришлось срочно прыгать вниз со скалы. Хорошо, что в поселке имелись врачи, догадавшиеся правильно срастить кости Скорняка, иначе быстро схватывающаяся костная ткань могла превратить его в Квазимодо. Дизель пропал неизвестно где, оставив людям ощущение сиротства. Мэрша хотела перешагнуть через свою гордость и обратиться за помощью ко второй половине стаба, но через Дюйм узнала, что у тех дела идут ненамного лучше. Самостоятельная охота сильно проредила их ряды. В итоге Мэрше пришлось собирать отряд и отправляться на поиски Дизеля, попутно набивая спорами рюкзаки.

Впереди отряда шел неплохой сенс Черепашка, бывший до жизни в Улье забулдыгой, вруном и просто непутевым человеком. Он прибилась чуть живой, когда Дизель ходил за оружием. Выдержал два дня после загрузки кластера в лесополосе, думая, что помер и находится в аду за свои провинности. После того как его приняли, он начал меняться в лучшую сторону, а когда обрел удачный дар, пользующийся спросом в рейдах, то и совсем изменился.

Черепашка был вооружен «винторезом», на случай бесшумной ликвидации помех. Он шел впереди метрах в двухстах от основной группы. В центре шла Мэрша, вооруженная старым «калашниковым» с самодельным глушителем, за нею Репей и Немец тащили один «утес» на двоих. Без крупнокалиберного оружия в походе было никак нельзя. Замыкал группу Булкин, бывший пекарь, с СВД.

Группа шла по следам Дизеля и остановилась только там, где была ночная стоянка его группы. До сего момента никаких подозрительных следов замечено не было. Ни гильз, ни крови, красной или черной, ничего подозрительного. Только спрятанные под камнями упаковки еды и другие следы присутствия людей.

Пустые кластеры создали вокруг «Затерянного мира» идеальную полосу отчуждения, изолировав стаб от постороннего внимания. Поэтому любое проявление активности в его окрестностях выглядело подозрительным. У Мэрши было два варианта: либо кто-то решил занять их стаб, либо кто-то снова явился свести с ними счеты. После подозрительного исчезновения Рэба (явно не по своей воле) из-за найденных в его пещере газовых гранат стаб больше не считался секретным. Исчезновение группы Дизеля могло быть звеном одной цепочки чьих-то интересов. Ни мотивацию, ни смысл их Мэрша понять не могла. Для нее Улей был простым миром из мутантов и людей, убивающих друг друга по необходимости. Иные поводы для конфликтов между людьми Мэрша считала производными неумемной человеческой природы, которой мало власти, мало вещей, мало прочего.

Отряд спокойно переночевал. Во время своей смены Булкин слышал вдалеке рев крупного мутанта – с той стороны, откуда они пришли. По карте загрузок, он мог двигаться в сто-

рону кластера с аэропортом, до обновления которого оставалось меньше суток. Да и не пугали мутанты, они не способны были устроить ловушку, в которой мог погибнуть весь отряд Дизеля. Нутром Мэрша чувствовала, что появился враг из числа людей, иначе зачем было организовывать поиски тех, кого точно не вернуть.

Отряд миновал долину, в которой когда-то были разбиты силы Ордена Тиамат, мечтающего о реванше. Черепашка не заметил ничего подозрительного, поэтому пошли по центру, не таясь. Однако на выходе из долины сенс дал предупредительный знак и долго сидел, замерев среди камней. Мэрша измаялась в ожидании, не вытерпела и бесшумно подобралась к Черепашке, чтобы узнать причину его подозрений.

– Не могу понять, чую что-то.

– Не можешь отличить тварь от человека?

– Не могу: не похоже ни на то, ни на другое.

– Ты чего говоришь-то? У нас, что, третья сила появилась?

– А я почему знаю, третья или четвертая? Понимаешь, хоть тварь, хоть человек, они неравный сигнал дают, двигаются, думают или не думают, наоборот, фон такой получается неравномерный, а сейчас – как от техники, ровный вот уже полчаса. Я думаю, тут сенсор какой-то стоит.

– Да? – Мэрша расстроилась. – Мы уже попались ему?

– Думаю, нет, иначе он поменялся бы, если б засек.

– Так какого хрена лежать тут?! Обходить надо, по горам.

Предположения насчет враждебной силы человеческой природы подтвердились. Осталось понять, какого черта им нужны люди, пытающиеся жить сами по себе. Улей был полон кластеров, в которых раз в неделю загружался обновляемый человеческий материал, годный хоть на органы, хоть на работы, хоть для всяких изошренных потех. Стоило ли тащиться через горы, чтобы с такими трудами добыть себе кучку народа, способную защитить себя? Мэрша поверила в то, что за Рэбом и его товарищами тянулась какая-то история, о которой она не знала. Судя по тому, что она никак не могла их отпустить, история была важной.

Через полдня пути по каменистым горам Черепашка снова подал сигнал тревоги. На этот раз они находились на самом виду, на отроге скалы, по которому собирались перейти перевал. Выбрать другой путь означало серьезно задержаться, а этот маршрут до сего момента был известным и безопасным.

– Что делать? – Мэрша оглядела неприступные стены гор слева и справа.

– Вертаться, – предложил Булкин.

– А смысл? – не согласился Немец. – Ты не понял еще, что нас не оставят в покое. Я не хочу жить и ждать, что скоро придут за мной, как за свиньей, чтобы зарезать. Хренушки, надо разобраться!

– Да, правильно, Немец, – поддержала его Мэрша. – Нас пасут, несмотря на затраты и прочие неудобства.

– А вы что, уже придумали, как обойти ловушку?

– Думаем. – Репей почесал отрастающую на месте прежней лысины шевелюру.

– Неделя, минимум, чтобы срезать, – не унимался Булкин.

– Есть один вариант, но я его еще не пробовал, – вмешался Черепашка. – Если датчик не оптический, то я могу настроиться на противозлучение, как антирадар, но долго не выдержу. Вам надо успеть прошмыгнуть.

– Ну вот! – обрадовалась Мэрша. – А ты, Булкин, – паникер.

– Так он не пробовал еще. Вдруг не выйдет?

– Сможешь проверить, Черепашка?

– Слушайте, задрали вы меня с этой Черепашкой! Давайте, если у меня получится, вы будете звать меня Черепом?

Отряд заржал.

– Я буду звать тебя хоть Иисусом, если сможешь обмануть сенсор. – Мэрша тяжелой рукой хлопнула напарника по плечу.

– Черепом достаточно, а то я бабу себе никогда не найду. Татуху набью с черепом и радар сверху, чтоб ясно было, кто я такой.

– Хорош строить из себя раньше времени, дурная примета это, – окоротил его Репей.

– Да, Черепашка, поешь сейчас плотнее, запей живцом и попытайся пошаманить по-своему.

Его неудача могла привести к тому, что пришлось бы поворачивать назад, дабы не нарваться на подготовленного противника. Черепашка набил желудок так, что он стал у него выпирать, запил живцом, сыто отрыгнул и направился в сторону сенсора.

– Будьте готовы быстро идти, знак не подам, а то потеряю контроль.

– А как мы пойдем? – Мэрша побоялась, что они сунутся, когда не надо.

– Короче, когда я растопырю пальцы от напряжения, тогда можно. Раньше – нет.

– Ладно, поняли. Давай, Черепушка, аккуратнее.

Черепашка мягко двинулся по камням. Со спины казалось, что он движется, как лунатик без костей, мягко обтекая препятствия. Голова у него оставалась неподвижной, двигалось только тело. Сенс замер. Мэрша впиалась взглядом в его ладони.

– Видит кто-нибудь, растопырил он их или нет? – спросила она.

– Ни хрена не видно отсюда. – Немец положил ствол «утеса» на плечо Репью.

На крупнокалиберном пулемете имелась оптика, через которую можно было разглядеть состояние рук Черепашки.

– Так, кажись, растопыривает. – Немец потер глаз, которым смотрел в прицел. – Точно растопырил.

– Так, вперед, скоренько, а то не успеем. Булкин, шевели булками! – поторопила она замешкавшегося напарника.

Отряд, стараясь ступать как можно мягче и более бесшумно, двинулся вперед. Они быстро поравнялись с Черепашкой. Мэрша заметила, как его била мелкая дрожь, а на лице выступили капли пота, несмотря на то, что воздух в горах был прохладным. Не издавая ни звука, они отошли на безопасную дистанцию. Черепашка медленно шел за ними следом, не открывая глаз.

– Он же споткнется! – испугалась Мэрша.

Но сенс снова двигался неестественно мягкой, обтекающей походкой, без намека на то, что он не видит препятствия. Черепашка не дошел десяти шагов до основной группы и упал без сознания. Репей, который был ближе всех к нему, подскочил первым, положил его голову к себе на колени и попытался влить ему в рот живец через стиснутые зубы.

– Скорее, у него шок, – прошипел он.

Булкин вынул из голенища нож, просунул его между зубов Черепашки и разжал их. Репей влил живец. Сенс рефлекторно сглотнул, но не очнулся.

– Выложился на все сто, – произнесла Мэрша, и в её голосе слышалась огромная благодарность.

Черепашка засипел, закашлялся и открыл глаза. Он поводит ими, будто не понимал, где находится и кого видит.

– Все нормально, Череп, ты смог. – Немец взял в свою руку ладонь товарища и пожал ее.

– А? А-а-а, класс! – Он закрыл глаза. – Фух, еще одна такая ловушка – и я съеду с катушек.

– Крофт тебе вправит и катушки, и шарики за ролики заведет, и крышку заварит. Набирайся сил, пойдем дальше, Череп. – Мэрша сделала акцент на новом имени напарника.

Череп, не открывая глаз, довольно улыбнулся.

– Чую, обманули сенсор, ровно работает.

Черепу понадобилось полчаса, чтобы снова встать на ноги. Его рюкзак повесил себе на плечи крепко сбитый Немец. Пошатывающийся от слабости Череп налегке встал в дозор отряда. Миновав хребет, они вышли в кластер, перенесенный из предгорий Кавказа. Меж невысоких скалистых гор цвели абрикосы. Воздух был напоен их ароматом и жужжанием пчел, собирающих нектар.

Кластер был свежим, что хорошо наблюдалось на стыке с соседним, с подвявшей на солнце растительностью. Следы отряда Дизеля терялись в нем, но он однозначно должен был пройти сквозь него. Мэрша не дала мужикам насладиться бесподобным воздухом земного мира, еще не развеявшимся по Улью.

– Жаль, что не в урожай попали, сто лет абрикосы не ел, – посетовал Репей.

– И так здорово, надыхаться не могу! – ответил ему Немец, с наслаждением выдыхая ароматный воздух.

– Жаль, я вашего Рэба не застал: вот бы, когда этот кластер будет грузиться со спелыми абрикосами, такого ручного мутанта нам – корзины возить, – размечтался Булкин.

– Сам ты ручной мутант, Булкин! – Мэршу рассердило такое сравнение.

В камень рядом с Черепом ударила пуля. Отряд мгновенно упал ниц. Сенс завертел головой, пытаясь почувствовать угрозу, но был еще слишком слаб. Стреляли из оружия с глушителем, мешая определить стрелка хотя бы на звук. Череп, пятясь, отполз под камни, за которыми залег отряд.

– Чуешь? – спросила Мэрша.

– Ни черта. Не чую и не вижу. – Он вскинул винторез и огляделся через его оптику.

Следующая пуля смачно шлепнулась о камень, из-за которого он выглядывал.

– Черепашка, это ты? – раздался крик.

– Я, скотина, ты чего по своим шарашись? – Череп повернулся к Мэрше. – Узнали? Это же Ломоть!

Сенс Ломоть ушел с отрядом Дизеля.

– Ломоть, что с Крабом? – крикнула Мэрша, чтобы дать шанс Ломтю, если тот на мушке, предупредить их.

– Краб погиб давно. Один я, один. – Последнее слово Ломоть проговорил с печалью в голосе.

Ломоть появился на тропе, идущей вдоль поросшего травой склона. Он опирался на автомат с насадкой для бесшумной стрельбы. У него не было рюкзака, одежда его была изорвана. Мэрша поднялась и пошла навстречу. Вблизи Ломоть выглядел еще хуже: лицо в ссадинах, рукав в крови.

– Что случилось с вами? – первым делом спросила Мэрша.

– Дайте живец, а то сейчас сдохну. – Ломоть устало опустил на траву. – Три дня ни глотка.

Мэрша отдала ему свою бутылку. Ломоть присосался к ней, сделал три больших глотка и вернул ее хозяйке. Щеки его сразу же порозовели, в глазах появился здоровый блеск.

– Мы нарвались на них внезапно. Я ничего не почувствовал. Сдается мне, у них есть люди с даром, как у нашего Скорняка, либо технические возможности глушить свое присутствие.

– Они напали на вас? – Мэрше не терпелось узнать судьбу Дизеля и его отряда.

– Да, напали.

– Всех убили?

– Я не знаю. Они закидали нас какой-то дрянью с дымом. Я-то был в стороне, сховался, меня дым не достал, а мужики сознание быстро потеряли, я почувствовал.

– Ты хоть видел, кто? – наседала на него Мэрша.

– Да, видел. На «внешников» похожи, одеты одинаково, как солдатня.

– Какого им тут надо? – возмутился Немец.

– Я без понятия, – признался Ломоть.

– А ты чего такой драный?

– Упал. Я же не просто смотрел, отстреливаться начал, парочку снял точно, а они меня так прижали, что я пополз пятой точкой вперед, а камушек подо мной – хрусь! – и я прямо с ним закувыркался вниз. Сознание сразу потерял, и сколько провалялся без него, не знаю. Если бы тварь какая рядом прошла, сожрала меня, я бы и не узнал.

– Нога цела? – Мэрша глянула на распухшую голень Ломтя, торчащую из расшнурованного берца.

– Распухла, болит, конечно, но кое-как я на ней ковылял.

– Далеко отсюда это случилось?

– Не знаю, я плелся трое суток, но с моей скоростью...

– Что делать будем, мужики? – Мэрша оглядела отряд.

– Я бы дал восстановиться Ломтю, да и мне. С двумя отдохнувшими сенсами будет надежнее.

– Согласен с Черепом, – поддержал его Репей.

– Черепом? – удивился Ломоть.

– Да, он заслужил новое имя. А ты видишь сенсоры, которые оставили «внешники», или кто они там?

– Сенсоры? Нет, не видел.

– Вот, а Череп видел и обманул их, поэтому ты пока ходишь Ломтем.

– Как это? – Ломоть перевел озадаченный взгляд на Черепу.

– Диапазон расширил, видимо, чую их как человека, но на своей волне.

– Научишь?

– Научил бы, если б знал, как.

– Так, ладно, отряд... – Мэрша оглядела местность. – Надо спрятаться здесь и переночевать. Моя интуиция говорит мне, что торопиться в гости не надо, гости скоро сами сюда придут.

– А если Дизель с мужиками еще живы? Мы могли бы попытаться их освободить.

– Не вариант. – Ломоть покачал головой. – Их дохренища, и вооружены они как надо.

– А чего тогда мы их ждать будем? – Булкин, как всегда, малодушничал.

– Я думаю, мы должны попытаться взять кого-то из их команды, тогда и вопросы отпадут, – предложила Мэрша.

– Языка? – догадался Немец.

– Точно, как в свое время немцев из окопов таскали! – хохотнул Репей, поддевая кличку товарища.

– Я – поволжский немец.

– Тихо! – прошипела Мэрша. – Поднимаемся на ту скалу, на привал.

Скалой заросший кусок горной породы назвать было сложно: от основания до вершины было не больше тридцати метров. Однако он удобно возвышался над местностью и прекрасно скрывал людей в буйной растительности. Раненого Ломтя взял на прицеп Булкин.

Отряд нашел удобное укрытие за камнями и кустами акации, закрепившейся корнями в щелях между ними. Репей и Немец отошли в разные стороны от привала метров на двадцать, чтобы иметь возможность наблюдать за местностью. «Утес» поставили на ту сторону, откуда явился Ломоть.

Солнце припекало. Над кустами носилась мошкара, норовя сесть на лицо, пробраться в глаза или нос. Репей отгонял ее в стороны, потом ему надоело это, и он накинул на голову куртку. Сумрак под ней незаметно склонил уставшее тело к легкой дреме. Если бы не неловкая поза, заставившая его пошевелиться, он мог бы уснуть более крепким сном.

Репей вытянул ногу, в которую одновременно укололи сотни иголок, и на миг потерял дар речи. По тропе, не более чем в трехстах метрах от них, шел большой отряд. Репей приложился к прицелу пулемета. В мареве от нагретого камня колыхались фигуры не менее тридцати человек, слишком одинаково экипированных, чтобы принять их за рейдеров. В дозоре отряда шли двое.

Репей заметался между желанием предупредить группу и желанием огнем подавить врага, чтобы дать отряду время уйти. Он приложился к «утесу» и взял на прицел дозорных. Наверняка Череп или Ломоть почували его тревогу и дали знать остальным. Позади раздался шорох. Репей обернулся. К нему довольно ловко карабкался Ломоть.

– Я почувал тебя, – прошептал сенс, занимая место рядом с Репьем. – Это «внешники»?

Репей еще раз приложился к оптике.

– Не похожи, я видел их раньше. Разве что новую форму выдали.

– Ага, не очень похожи.

Репью голос Ломтя показался странным, он собрался обернуться, но в этот момент, в шею ему что-то ударило, место удара обожгло, голова закружилась. Репей увидел лицо человека, совсем не похожего на Ломтя, и отключился.

Глава 5

По мере приближения вооруженной колонны Рэб пытался определить степень ее опасности. Вариант с мурами сразу же отпал: слишком строго и мало оружия. Муры были похожи на анархистов времен Гражданской войны, из каждого окна должен был торчать один или несколько стволов оружия, на крыше каждой машины – минимум по одному пулемету, а еще лучше – безоткатное орудие.

В приближающейся колонне очевидный упор делался на скорость и возможность преодолеть опасность с ходу. Это могли быть опытные рейдеры либо парни из какого-нибудь близлежащего стаба, отправившиеся на осмотр подконтрольной местности, где, судя по всему, шла незаконная стрельба.

Рэб намеренно держал руки перед собой, демонстрируя миролюбивые намерения. Страх был: в Улье человеческая жизнь стоила мало, и никто особо не озадачивался вопросами морали, если ему хотелось убить. «Бардак» Рэба был завидной вещицей, из-за которой его с пацаненком могли и прихлопнуть.

Колонна взяла Рэба в полукольцо. Ствол одного крупнокалиберного пулемета смотрел на него, второго – на «бардак». В течение нескольких секунд после остановки из машин никто не выходил. Рэб почувствовал на себе изучающий взгляд. Наверняка их сбил с толку единственный человек, позволяющий заявлять о себе так громко. Одиночки в Улье были либо психопатами, либо самоубийцами. Век обеих категорий был недолог.

– Ты кто такой? – спросил бородатый мужик из легковушки по центру.

– Меня зовут Рэб.

– Почему один?

– Так получилось.

– Подними руки и подойди; если попытаешься дернуть ими, пристрелю.

Рэбу ничего не оставалось, как выполнить приказ. Он поднял руки вверх и, чувствуя себя абсолютно беззащитным, направился к машине бородача.

– Стоять!

Рэбу приказали остановиться в десяти шагах.

– Обыскать!

Из машин выскочили двое парней, подбежали к Рэбу и бесцеремонно проверили его одежду.

– Чист, – доложил один из них.

Только после этого бородач позволил себе выбраться из машины. Не сводя взгляда с Рэба, он подошел к нему.

– Ну, рассказывай, мужик, какого черта ты здесь отираешься, да еще и палишь белым днем почем зря?

– Отирался здесь, потому, что нам на хвост рубер сел, а у меня только «пукалка» с собой, вот и пришлось на воде от него прятаться. – Рэб кивнул в сторону БРДМ.

– Отбился?

– Кое-как.

– Ценный у тебя аппарат! – Бородач оценивающе оглядел «бардак». – Где взял?

– Давно мой, – уклончиво ответил Рэб.

Он не знал, что соврать о своем возвращении в Улей. Его бы не поняли или, скорее всего, не поверили.

– Давно? – Бородач направился к машине.

Осмотрел ее со всех сторон, поскреб пальцем по ошметкам прилипшей к ней грязи.

– Давно, говоришь? А краска-то почти не поцарапана, есть только свежие следы, сегодняшние, поди. Махнемся?

По наглой ухмылке бородача Рэб понял, что равноценного обмена ждать не придется. Скорее всего, ему предлагали обмен на жизнь, а не на одну из машин из колонны.

Вдруг башня «бардака» крутанулась. Бородача как с ног сбило. Он тут же оказался на земле. Рэб ругнулся про себя.

– Какого хрена мужик у тебя там? – не поднимаясь с земли, спросил Бородач. – Ты же сказал, что один?

– Это ребенок, мальчишка. Он слишком мелкий, чтобы считать его за полноценного напарника. Так, лишний рот.

– А ну-ка, прикажи ему показаться, и без глупостей! – Бородач вынул из-за пазухи «макаров» и направил его в сторону верхних люков.

Открылся боковой. Вначале показались руки Бубки, он помахал ими, чтобы обратили внимание на его появление, а потом выбрался полностью.

– Я же говорил, – произнес Рэб.

– Нахрена он тебе?

– Подобрал из жалости.

– Больше сюрпризов не будет, а, Дед Мазай?

– Я не знаю, чему вы вообще удивляетесь. Могу и я теперь спросить у вас, кто вы такие?

– Спросить можешь, но ответ не получишь. Слишком много развелось в последнее время людей, задающих вопросы.

– Штурм! – Из машины с пулеметом выбрался мужчина невысокого роста, с большим шрамом по левой щеке.

– Штурм; слышал, это мое имя: Чего тебе? – спросил он у позвавшего его человека.

– На ушко.

Штурм бросил на Рэба подозрительный взгляд, ничего не сказав, направился к напарнику. Пока тот шептал ему, Штурм удивленно смотрел на Рэба.

– Как так? – проговорил одними губами Штурм, но Рэб сумел понять вопрос по артикуляции.

Мужчина пожал плечами.

– Пойдем, спросим сами. – Штурм вернулся к Рэбу.

– Мой человек с уникальными способностями сказал мне, что ты новичок, максимум двое суток в Улье, и пацан этот тоже. Я тут давно уже и повидал новичков из того городского кластера, знаю, как они выглядят и как себя ведут – совсем не так, как ты. Объясни мне, как так получилось.

– Твой человек может и ошибаться, его дар не гарантирует стопроцентного результата.

– Не-е-ет, он не ошибается. Теперь и я вижу, что ты новичок. Ты слишком лоснишься для жителя Улья: холеный, чистенький. Мы тут все, на кого ни посмотри, как из дерева топором вытесанные, а ты прямо с подиума, модель.

– Да какой я новичок? Просто хорошо сохранился. Разве новички знают, как живец приготовить, как мутанты называются, что они плавать не умеют, как «бардак» достать?

– «Бардак», говоришь? А «бардак» у тебя гражданский, переделанный там, на Земле, тут ведь у всех армейские нормальные «бардаки», с пулеметом, без бортового люка.

– Удача, случайно нарвался.

– Да? Конечно. Ты с «пукалкой» поперся в новый стаб, как последний лох, удачно нашел там «бардак», специально для тебя подготовленный; видимо, и споранов мешок нашел по дороге?

– Нет, споранов не нашел.

– Какого хрена тогда ты поперся в город?!

– Тварей, как ни странно, было мало – одни лотерейщики; с них почистил немного. Только рубер один попался, и то я не смог его одолеть.

– Не пойму, под кого ты косишь? То ли натаскали тебя за два дня, что говорить, то ли ты матерый, под новичка заделываешься? – Шторм на всякий случай не убрал «макарова» в штаны. – Что, есть и такой дар, выглядеть под молодого груздя? Этот, – он ткнул стволом пистолета в Бубку, – он-то, может, вообще в обратную сторону развивается, а? Эй, Бенджамин Баттон, сколько тебе лет?

– Восемь. – Глаза Бубки перебежали от Рэба к Шторму и обратно.

– Восемь, половину просим. – Шторм сплюнул под ноги. – Я в шоке с вас, господа! Полгода в Улье, и первый раз вижу не пойми кого.

– Полгода?

– Что, впечатлен?

– Наоборот, срок еще небольшой.

– Ха, небольшой! – Шторм усмехнулся. – А ну, ребята, поднимите руки: кто здесь больше полугодом вялится?

Руку поднял только мужчина, признавший в Рэбе новичка.

– О! Это наш ветеран, Большой Ух, и он жив только потому, что чувствует всё вокруг, а остальные здесь недавно, и мало кто из них перевалит этот знаменательный рубеж. Ух, ты по-прежнему считаешь этого болтуна новичком?

– Он неправильный новичок. У него организм, как у человека, только попавшего в Улей: к живцу привыкает, иммунитет еще не развит, нет ни одного развитого умения, но мозговые импульсы, как у бывалого.

Шторм приподнял бровь над левым глазом.

– Как так?

– Так как-то? Ваш народный целитель точно не по кофейной гуще диагнозы ставит?

– Покажи, что умеешь. Ведь не бывает бывалого без умения.

Рэб понял, что его все-таки загнали в тупик. Он еще ничего не умел и понятия не имел, какой дар в него заложит Улей. Что сочинять дальше, не приходило на ум, но и сказать правду было не вариантом.

– Я, в некотором роде, уникам, застыл в физическом развитии. Вместо дара Улей наделил меня проклятием: мое тело никак не приспособляется к этому миру, – кое-как соврал Рэб.

– Чёт я не слышал о таком проклятье ни разу? – засомневался Шторм.

– Я же говорю: уникам, очень редкий случай.

– Раз ты такой мягкотелый уникам, сидел бы на стабе, спорами банчил.

– Сидел, но надоело.

– Куда путь держишь? – спросил Шторм.

– На север.

– Как Шерхан и Табаки? – хохотнул Шторм.

– Типа того.

– Та-а-а-ак, «бардак» у тебя мы изымем, уж прости, такими вещами не раскидываются, вместо него дадим тебе вон ту развалюху. – Шторм указал пальцем на замыкающую колонну машину. – Она посажена на раму, так что таранить отвалом какого-нибудь спидера-лотерейщика годится.

– Но я... – начал было Рэб.

– Не благодари, нам твоя жизнь ни к чему. Кислый! – громко позвал он водителя из предложенной на обмен машины. – Подгоняй свой сарай к «бардаку».

– Стойте, мужики, я же просто пропаду без него! – взмолился Рэб. – Давайте рассмотрим варианты какие-нибудь, у меня водки несколько ящиков, продукты свежие. Все отдам, не забирайте «бардак».

– Ты, чмо бородатое, я тебе башку снесу! – раздался писклявый крик Бубки.

Никто не обратил внимания, когда он забрался назад в БРДМ. Из бортового люка торчал длинный ствол «Тигра», направленный на Шторма.

– Бубка, не надо! – Рэб не на шутку испугался за жизнь пацана. – Бубка, положи ствол, у них пулеметы!

– А мне пострать, я в танке.

Шторм замер, боясь пошевелиться. Он понимал, что ребенок блефовать не будет.

– Бубка, это не танк, и в борт пулеметом прошьется, – увещевал напарника Рэб. – Мужики, простите, недоглядел.

– Усмири выродка, – углом рта попросил Шторм.

– Бубка, не дури, у нас нет шансов.

– Есть шанс: я его грохну, а ты главным станешь! – выкрикнул из люка мальчишка.

– Устами младенца... – Рэб развел руками, удивленный неожиданным ходом мыслей своего юного товарища.

На лице Шторма отразился неподдельный ужас. Он завертел головой, ища поддержки у своих напарников. Большой Ух спрятался за машиной и не показывался, Кислый не спешил подъезжать. Шторму хотелось отдать команду открыть огонь, но не ценой своей жизни.

Рэб и подумать не мог, что восьмилетний пацан сможет найти хотя бы подобие выхода из ситуации. Судя по реакции компаньонов Шторма, они были не так уж и против замены лидера. Рэбу, конечно, не хотелось возглавлять коллектив джентльменов удачи, но еще меньше хотелось потерять свой броневик. Оставить его у себя был только один шанс: вступить в эту банду, в надежде сбежать при первой подвернувшейся возможности.

– Мужики, возьмите нас с Бубкой к себе, послужим верой и правдой! – громко произнес Рэб.

Его предложение было встречено полным пониманием со стороны Шторма.

– Черт с тобой, возьму, лишний штык не помешает. Скажи этому мелкому психу, пусть перестанет в меня целиться.

– Бубка, перестань пугать дядю! – Рэбу стало смешно от того, как бородатый брутал превратился в трусливого мужичка.

– Перестану, когда ты вернешься в танк. Я не верю ему! – Бубка проявил уместное упрямство.

Рэб вопросительно глянул на Шторма.

– Иди, напарничек! Хорошо у нас сотрудничество начинается.

– Доверять будем, когда лучше узнаем друг друга.

Рэб направился к «бардаку», стараясь не попасть на линию выстрела, обошел его кругом и забрался через верхний люк.

– Ты чего творишь? – спросил он у мальчишки, только сейчас опустившего винтовку. – Мы же договаривались, чтобы ты тихо сидел.

– Я... мне показалось, что... они хотели забрать наш танк. Нас же без него сожрут эти уроды.

– Ладно, ты на удивление сделал все правильно. Пока пристроимся к этим неудачникам, а дальше – как пойдет.

В закрытое бронешитком окно постучали. Рэб приоткрыл люк.

– Держи рацию для координации. – В щель просунули простую черную рацию.

– Спасибо! Мне какое место в колонне занимать?

– Первое, друг. Будешь у нас главным тараном.

– Тараном? – переспросил Рэб. Знакомое имя мутанта, которым он управлял долгое время, ностальгически резануло слух.

– Тараном – стрелять-то у тебя нечем.

Человек имел в виду нормальный крупнокалиберный пулемет, который должен стоять в башне.

– Я понял.

– Слушай, куда скажут, туда и рули. Если попытаешься самовольничать, отхватишь в корму.

– Понял, не дурак.

– Давай. – Мужик хлопнул по броне и вернулся к своей машине.

– Рэб, дай глоток, во рту пересохло, – попросил Бубка.

– Держи. Ох уж этот подростковый метаболизм! Мне оставь, не наглей.

Бубка протянул Рэбу «шейкер». Тот не успел налить из него живца, как в рации прохрипела команда трогаться. Пришлось сделать глоток через край, чтобы не замешкаться перед новыми друзьями.

Колонна избегала нормальных дорог с асфальтовым покрытием. Ходом пересекали их по прямой в самых закрытых от наблюдения местах. Рэб пришел к выводу, что новые товарищи – не самая главная опасность в округе и что они сами всего боятся. Ясно, что «бардак» им очень бы пригодился.

У небольшой деревушки колонна остановилась. Одна машина пронеслась по центральной улице, выманивая мутантов на пулеметы. Крупный топтун, предводитель своры более мелких тварей, клюнул на наживку и попытался ударить легковушку в борт, но не успел, слегка зацепил ее, оступился и, поднимая пыль, закувыркался. Два спидера, рванувшие на звук двигателя, врезались в передний отвал и отлетели в стороны, как тряпичные куклы.

Топтун поднялся, рывкнул и бросился следом. Свора мелких тварей не поспевала за ним. За околицей машина резко ушла вбок, подставив мутантов под пули. Пулеметы били одиночными, прошивая насквозь тело топтуна, не говоря уже о более мелких тварях. Потом ударили из стрелкового оружия. За несколько секунд от своры мутантов остались только дергающиеся трупы, поднимающие дорожную пыль и разбрызгивая из ран черную кровь.

Топтуна и потенциально несущих спораны мутантов быстро почистили и двинулись дальше. Бубка сидел на приборах наблюдения, приглядывая за обстановкой. Дело в том, что Рэб решил ехать с опущенными бронешитками, опасаясь стать первой целью для недругов Шторма, которые у него, судя по «долгожительству» его людей, должны были иметься. Через щели триплекса дорогу было видно плохо, Рэб постоянно съезжал на обочину и скакал по неровностям. Бубка как штурман старался корректировать курс.

Команды Шторма привели колонну к реке. На желтом песке виднелись еще не высохшие следы протекторов автомобилей, совсем недавно пересекавших реку вброд. Колонна остановилась. Какой-то следопыт выскочил из машины, чтобы определить принадлежность следов. Он, как близорукий, почти лежа разглядывал следы, поднял голову с закрытыми глазами вверх, поползал по берегу на четвереньках, вскочил и подбежал к машине босса.

Рэб решил, что у человека имеется какой-то дар, раз он так дотошно подходит к делу.

– Разворачивайся! – Приказ в первую очередь касался Рэба.

БРДМ развернулся и проехал мимо колонны, потянувшейся следом за ним. Снова не приметными дорожками, прячась за холмами и небольшими лесочками, колонна выехала к стабу. Рэба обогнала машина, в которой ехал Шторм.

– Стой! – раздалось по рации.

Рэб выполнил приказ. Шторм остановился в пятидесяти метрах. Не пойми откуда взялись два человека, убравших с дороги не приметную полосу с шипами. Рэб был уверен, что есть и те, кто держит на мушке. Шторм несколько раз показал рукой в сторону БРДМ.

– Хвалится, наверное, – решил Бубка.

– Однозначно, – согласился с ним Рэб. – Скажет, что добыл в неравном бою.

Шторм замахал рукой, приглашая продолжить движение. Помимо «ежей» дорогу к стабу преграждали фундаментные блоки и рвы – защита от техники, но никак не от мутантов.

Стаб, в который они заехали, мало чем отличался от большинства стабов, создаваемых на время. Вместо нормального жилья – палатки, какие-то шалаши, каркасные временки. Центральное здание, являющееся одновременно баром, ночлежкой, притоном, а также местом обитания руководства стаба, выглядело, как восстановленная ферма. Из него, кажется, еще не выветрился запах навоза и силоса. Поверх старых обшарпанных дверей были сделаны мелом надписи, помогающие гостям стаба не запутаться: «Бар», «Сельпо», «Досуг», «Сейф», «Хостел», «Сауна», «Приемная». Дверей было много, и за каждой был соответствующее помещение. Рэб не спешил выбираться из БРДМ. Шторм рысью вбежал в дверь с надписью «Приемная», и теперь надо было ждать, как оценит начальство его поступок.

– Знаешь, Бубка, я бы перед такими зданиями ставил таблички «До восемнадцати вход воспрещен». То, что ты увидишь здесь и в куче таких же мест, как это, может ранить твою детскую психику. Улей, он выворачивает из людей всю гадость.

Рэб думал: если у них отберут «бардак», им придется какое-то время снимать место в этом многофункциональном центре, в котором он никак не сможет оградить ребенка от картин взрослой жизни.

– Не переживай, Рэб, я дома в батином кинотеатре и не такое видел, – признался Бубка.

– Да?! – удивился Рэб и, немного подумав, добавил: – Значит, батя тебя подготовил к такому.

Он даже был рад тому, что застрелил его отца, обернувшегося мутантом.

– Угу, – согласился Бубка.

Дверь с надписью «Приемная» распахнулась. Из нее вышел усатый мужчина в пиджаке – ни дать ни взять председатель колхоза. Рядом с ним – Шторм и два крепыща с «калашниковыми» наперевес. Они направлялись к «бардаку».

– Выходи! – Шторм постучал рукоятью пистолета по броне.

Рэб выбрался наружу.

– Здравствуйте! – поприветствовал он подошедших.

– Здоровеньки булы. – «Председатель» не спешил подавать руку.

Он внимательно разглядывал Рэба, и от его сканирующего взгляда начало жечь в затылке.

– Мне сказали, что ты уникал. Странный иммунный, сохраняющий былую свежесть, при-
сущую новичкам.

– Да, есть у меня такая особенность.

– А мне что-то подсказывает, что ты врешь. – «Председатель» сделал наивные глаза.

– Зачем это мне нужно? – Рэб попытался выглядеть натурально удивленным и немного оскорбленным.

– Зачем? Да здесь у всех какие-то тайны. Каждый, кто просит у меня защиты, держит за пазухой камень.

– У меня нет камня. Я не просил защиты, просто мне ваш товарищ Шторм сделал предложение, от которого я не смог отказаться.

– Что сказал Большой Ух? – «Председатель» развернулся к Шторму.

– Он сказал, что этот – новенький снаружи, но матерый, – он звонко постучал суставом указательного пальца по голове, – внутри.

– Что ни день, то новое чудо. А пацаненок, что с тобой, он откуда?

– Подобрал в городском кластере. Прятался в гараже с этим «бардаком».

– Понятно. Если хочешь, можешь сдать пацана в аренду.

– В смысле, в аренду?

«Председатель» усмехнулся в усы.

– В прямом: поработает в досуге, заодно наскребет вам на отдельный номер.

Рэб еле сдержался, чтобы не плюнуть в усатую рожу. Кажется, «председатель» почувствовал ход его мыслей, потому что в затылке опять почувствовалось жжение. Рэб сделал медленный вдох и выдох.

– Спасибо, это мой штурман. Если вам нужна плата, мы готовы расплачиваться спорами и горохом.

– Ладно, идет. Времена сейчас непростые, в округе завелась банда, твой «бардак» нам будет кстати. Без пулемета он, конечно, не вундервафля, сделаем ему небольшой апгрейд, в экипаж стрелка добавим. Хорошо проявишь себя – оставим за машиной, если нет... вариантов куча.

– Буду стараться.

– Будешь хорошо стараться – продвинешься по карьерной лестнице, правда, Штурмушка? – В интонации «председателя» чувствовалась ирония. – У нас не стаб, а кузница кадров. – Он хлопнул Шторма по плечу. – Кстати, меня зовут Председатель.

Рэб не удержался от усмешки.

– Что? – не понял ее значения глава стаба.

– Я так и думал: внешность характерная.

Председатель ничего не ответил, но в затылке Рэба снова потеплело.

– Если есть спораны, можете снять себе уголок. На сегодня никаких новых рейдов.

– У нас нет споранов, мы в «бардаке» расположимся. Нам только туалет будет нужен.

– Туалет? Пожалуйста, туалет здесь везде – вон какие заросли лебеды и конопли. Шторм, проводи их до мастерской, пусть пулемет в башню приладят.

– Ага. – Шторм с готовностью согласился.

– Патроны только перед боем, наперечет, – предупредил Председатель.

Пока в сарае, отдаленно похожем на мастерскую, двое мастеров ставили КПВТ в то место, где он должен стоять, Рэб и Бубка решили пройтись по стабу, осмотреться. Председатель, если он на самом деле был главой стаба, совсем не уделял внимания внешнему виду поселка. Самодельное жилье утопало в диких зарослях лебеды, конопли и крапивы. Отовсюду несло характерным запахом отхожих мест. Публика, изредка попадавшаяся на глаза, не внушала доверия: либо перегулявшая, либо головорезы, на которых было страшно смотреть. Только в одной стороне они обратили внимание на мужчину с косой, облагораживающего свой участок.

Рэб решил поговорить с ним, сразу проникшись к нему симпатией.

– Доброго дня! – поприветствовал он мужчину.

Тот оглянулся через плечо и, поняв, что с ним хотят поговорить, поднял косу.

– Здорово! Недавно прибыли?

– Только что, – опередил Рэба Бубка.

– Слышал, может, это мы на БРДМ заехали?

– А, слышал, по звуку двигателя догадался, что тяжелая машина. Чего к нам?

– Да так получилось. – Рэб не хотел вдаваться в подробности. – Собираемся на время обосноваться здесь, интересуюсь, что за поселок.

– Поселок так себе, сразу скажу: разгильдяйство по полной.

– Я заметил, – признался Рэб.

– Наш глава внимание уделяет только охране внешнего периметра да рейдерам. В самом стабе жизнь уже давно, как в цыганском таборе. Хорошо, что безопасно, иначе свалил бы давно. Чаю хотите?

Рэб хотел отказаться, но почувствовал, как Бубка легонько подтолкнул его под руку.

– Не откажемся.

Каркас жилища мужчина собрал из деревянного бруса и накрыл его рекламными баннерами. Для проветривания вырезал в них окна, однако запах материала, похожий на запах

надувных кругов для плавания, все равно присутствовал. В доме хозяйничала молодая женщина, от силы под тридцать.

– Варварк, вскипяти нам самовар, – попросил мужчина.

– Здравсте! – поприветствовала гостей Варвара. – Сейчас.

Она взяла в руки самовар, растапливаемый деревянными чурочками, и вышла на улицу.

– Присаживайтесь. – Мужчина указал на стулья вокруг симпатичного стола, явно привезенного из города. – Меня, кстати, Дворником зовут, жену – Варваркой.

– Меня – Рэб, это – Бубка.

– О, Бубка, высоко прыгает? – Дворник решил, что имя мальчишке дали за то же умение, что и у великого тезки.

– Нет, он свежий, два дня как.

– Рэб, – тихо спросил Бубка, – а имена же нельзя. Почему у нее имя обычное?

Дворник услышал.

– Нет, это не ее имя. Она забыла свое, чтобы не вспоминать ту жизнь. Психологический прием, просто она теперь другой человек, по имени Варвара.

Варвара занесла потный от холодной воды самовар, набила пространство под ним приготовленными заранее чурочками, надела гофрированную трубу на трубу самовара и разожгла. Сухое дерево быстро занялось. Дым уходил через выведенную на улицу гофру.

– А держит ли ваш Председатель слово? – Дворник так расположил Рэба к себе, что тот не побоялся задать такой вопрос.

– А ты его видел?

– Да, час назад.

– Усатый?

– Ну, да.

– Это не Председатель, это его двойник. Он может любого человека выдать за себя. Наш глава никогда перед новеньким не выйдет, пока точно не узнает, что за человек. Будь уверен: к тебе в башку он уже слазил.

– Да, мне припекало затылок.

– И мне, – признался Бубка.

– Это он сканировал вас. Бывало, что отдавал приказ пристрелить новенького на месте. Если вы еще живы, значит, ничего плохого не увидел.

– Он распорядился установить в наш «бардак» пулемет.

– Значит, в рейдеры вас взял. Знаете, тут что-то непонятное в последнее время творится, будто кто-то решил Улей начать делить. По мне, так самая глупая затея.

– А как это проявляется?

– Ну, скажем так, появились люди на серьезной технике. Не идут на контакт, не предлагают сотрудничества. Совсем недавно заехали в наш бар на трех БМП и двух «Тайфунах», высадились, отмудохали всех, кто был в баре, один так и не оклемался, сказали, что их босс по имени Мираж приедет скоро и установит свои правила, типа «Одна жизнь – одна почка», и уехали. А совсем недавно схлестнулись две группировки, пожгли друг другу технику, положили кучу людей, даже твари, говорят, обходили место боя десятой дорогой. Вот кто это? Чего ради они валят друг друга? Мутантов мало? Как по мне, так расширение территории – довольно сомнительное занятие. Не Бог ведь какой актив. Да и вообще, жизнь в Улье – сплошной пассив. – Вода в самоваре вскипела и забулькала. – Вот так и живем, пассивно ожидая решения своей судьбы.

– Дворь, не нагоняй тоску на гостей. – Варвара откуда-то достала поднос с четырьмя чашками и поставила его рядом с самоваром.

– Ну, раз воюют, значит, есть за что, – ответил Рэб. – А давно они тут появились?

– Нет, недавно. Слухи месяц назад появились, что, мол, рейдерам бизнес портят какие-то люди Миража. Слухов-то много всяких приносят, мы не обращали внимания – своих забот полон рот, а потом все чаще и все ближе появлялись люди из соседних стабов, которые их видели. А потом и сами заявили.

– Пейте, мужчины, хватит о своем, потом поговорите. – Варвара подала чай.

– Будь у тебя подружка в гостях, языки уже сточили бы, а нам так и не поговорить?

– М-м, какой ароматный чай! – Рэб втянул носом поднимающийся из чашки пар. – После живца – прямо божественный нектар!

Варвара подала плошку с горкой разных конфет. Бубка тут же без разрешения сгреб полную пятерню.

– Бубка, скромнее в гостях, – негромко упрекнул его Рэб.

Пацаненок сжал губы и, вылупив глаза, собрался уже вернуть конфеты на место, но Варвара его остановила.

– Ешь, даже не переживай. У нас тут кластер с магазином под боком каждую неделю приносит. Этого добра у нас всегда полно.

– Простите его – молодой растущий организм, – извинился за Бубку Рэб.

После чаепития Рэба повели показать огород – гордость Дворника, и на том темы для общения иссякли. Рэб откланялся, поблагодарил за гостеприимство и сообщил, что торопится посмотреть на свою машину. Дворник и Варвара вышли провожать парочку.

– Какие хорошие! – не удержался Бубка.

– Хорошие, – согласился Рэб. – Даже слишком. Тебе Варвара не показалась странной?

– Нет, нормальная тетька.

– Нормальная.

Рэб еще не мог сформулировать в голове, что ему показалось странным. Какие-то мимолетные ощущения, за которые он не мог зацепиться, чтобы собрать воедино, давали сигнал, что глаза обманывают. Рэб так и не смог понять, в чем именно. Спустя полчаса он уже забыл о Дворнике и его жене.

Два пьяных мастера неловко монтировали пулемет в гнездо на башне. Рэб сразу догадался, что они добрались до халявной водки.

– Эта... мужик... мы сейчас... рука набита... ваще без проблем воткнем, – заплетающимся языком предупредил один из них. – Ложить будешь с километра в копеечку.

Мастер попытался просунуть тяжелый пулемет в предназначенную ему щель, но не удержал его. Пулемет вывалился и ударил работника тыльной стороной ствольной коробки в лицо. Удар рассадил до крови.

– Твою ж мать! Кум, помогай уже, морду разбил без тебя.

Кум был еще меньше готов к подобному труду. Они кружились возле пулемета, как бестолковые макаки. Рэб не стал им мешать, прекрасно зная, что алкоголь выветрится из них довольно скоро. Они с Бубкой вышли из мастерской на свежий воздух, присели на лавку, пространство вокруг которой обильно усеяли окурки, и стали ждать. Закат уже начал желтеть, день готовился к окончанию своей вахты.

– Если не думать ни о чем, то хорошо как-то. – Бубка, как смог, сформулировал свои ощущения.

– Ты о чем?

– В школу завтра не надо, батя пьяный не полезет драться.

– А тебе не страшно, что вокруг много смертей, злые мутанты, которые хотят тебя сожрать, люди тоже не лучше? Не все, конечно, но многие.

– Не-а. Здесь, как в игре: страшно, но интересно.

– Страшно интересно, это ты точно подметил.

– Да и с тобой мне не страшно, Рэб. Главное – танк никому не отдавать.

– Спасибо, что доверяешь! А танк нам нельзя отдавать, мы еще слишком мягкие для этого мира. Нам свою броню еще растить и растить. Может, завалим с тобой как-нибудь элитника да накормим тебя жемчужиной.

– Зачем?

– Затем, чтобы у тебя развилось какое-нибудь умение, которое поможет тебе выжить. Что бы ты хотел уметь такого, нереально крутого?

– Хотел, чтобы одним ударом быка убить. – Бубка, сжав маленький кулачок, показал, как бьет в лоб воображаемому быку.

– Не покатит. В драке, конечно, оно поможет, но против мутанта или человека с автоматом вряд ли.

– Тогда хочу быть молниеносным: вжух, вжух, вжух! Чтоб никто не мог увидеть, как я ношусь.

– Ну, это уже что-то.

– Или стать невидимкой – всегда мечтал быть невидимым.

– А ты знаешь, почему невидимок не существует?

– Нет.

– Невидимка не сможет видеть, потому что картинке не на что будет упасть, она будет проходить сквозь глаз, а должна оставаться на сетчатке. Мне придется водить тебя за невидимую руку, чтобы ты не провалился куда-нибудь или не налетел на столб.

– Блин, а из чего выбирать-то вообще? Ты чего умел?

– Я? Я такое умел, чего в Улье повторить не получится. Я мог забираться в мысли мутанту и спокойно жить в нем, как в своем теле.

– Ого! – удивился Бубка. – Я бы хотел к пацанам в школе подойти мутантом, к старшеклассникам. Дай закурить! – грозно прошипел Бубка, изображая из себя мутанта.

– Не, они не разговаривают. Кстати, любые психологические способности нам подойдут. Знал я одну девчонку (сейчас она, наверное, уже взрослая девушка), так вот она понимала людей, кто чего стоит и кто что думает. Выручала нас, когда всякие мутные личности пытались пристроиться к нам. – Рэб рассказал о Крофт, и сердце его непроизвольно затомилось от нахлынувших воспоминаний о прошлом посещении Улья. – Ладно, чего гадать, дар Улья – это рулетка: что дадут, тем и будешь пользоваться.

Мастера как раз вывалились из мастерской, сели рядом и закурили. Следов алкогольного опьянения, не считая тяжелого духа перегара, обволакивавшего их, не замечалось.

– Готово! Надо взять три патрона на пристрелку, пристрелять – и можно ехать.

– А где брать? – поинтересовался Рэб.

– Сиди. Кум сходит.

Кум согласно кивнул. Мастера докурили, Кум встал и ушел – видимо, за патронами. Вернулся через пару минут, держа в руке три здоровенных патрона, больше похожих на маленькие снаряды.

– Вот жопы, еле выпросил! – пожаловался Кум.

– Поехали на полигон, – предложил другой мастер.

Они выехали за пределы поселка, на ровную местность. Вдалеке виднелся щит для мишеней.

– Мишень надо повесить. – Мастер глянул из-под ладони в сторону щита.

– Давайте я! – решительно предложил Бубка. – Я быстро бегаю.

Кум и его напарник посмотрели на Бубку и заржали, как кони. Бубка смутился. Второй мастер свернул белый квадрат мишени в несколько раз, пока тот не поместился в ладони, заправил в штаны рубашку, зашнуровал потуже ботинки.

– Даже Усейн Болт заплакал, когда попытался бегать со мной наперегонки.

Мастер размял ноги и резко стартанул. Для стороннего наблюдателя его перемещение напомнило размазанную линию. Бегун ускорялся быстрее, чем тысячесильный Бугатти. Через мгновение он уже прикреплял к щиту белый квадрат мишени, а потом так же резко сорвался и тут же появился рядом с БРДМ. Бубка смотрел на него глазами, полными восхищения.

– Как? – Мастер заметил его реакцию.

– Я... я тоже так хочу, – признался мальчишка.

– Поживешь тут – и не такому научишься.

Мастер, так и не назвавший своего имени, и его напарник Кум забрались внутрь БРДМ. Башня и пулемет задвигались. Мощный выстрел, заложивший уши, как его ни ждали, раздался неожиданно. Бегун выбрался из «бардака» и сбегал за мгновение туда и обратно. Они подправили прицел и снова выстрелили. Бегун снова проверил точность пристрелки. После проверки третьего выстрела он уверенно проговорил:

– В копеечку ложить будешь с километра. Вы сами стрелять будете или дадут стрелка?

– Обещали дать.

– Ну и хорошо, у нас тут есть нормальные ребята, а вас еще учить надо. И, это, мы тебе люк для водомета выправили – заедал.

– Я вам что-то должен? – поинтересовался Рэб, думая, что у него выпрашивают за шабашку.

– Не-не, ничего, просто в знак уважения.

Рэб усмехнулся, поняв, что они взяли свое водкой.

«Бардак» вернулся в поселок затемно. У центрального здания кипела жизнь, но в остальных темных и глухих углах поселка она замерла. Тишина создавала иллюзию, будто в поселок можно проникнуть незамеченным. Рэб знал, что это не так. Без знания проходов соваться в любой, самый затрапезный с виду стаб не стоит.

В темноте послышались шаги, потом в броню звонко постучали железом.

– Эй, новенький! – Рэб узнал голос Шторма. – Ночевать – к правлению, под присмотром, иначе придется навесить дистанционную мину.

Рэб не стал высовываться из люка: у Шторма могли быть к нему счеты за пережитый страх и унижение.

– Я понял, сейчас подъеду, – ответил он через броню.

Рэб подъехал к освещенному, как бордель, правлению. Крики пьяных мужиков, визг женщин, матерщина, выяснение отношений – словом, нормальный вечер для тех, кто решил хорошо отдохнуть. Только Рэб, не спавший ночь, думал о нормальном сне.

– Что, Бубка, сможем уснуть в этом содоме? – Рэб переживал за ребенка, которого будут пугать крики.

– Пусть орут, мне пофиг, – ответил мальчишка, ничуть не бравидуя.

– Вот и здорово! А я засну даже под звуки атомной бомбардировки.

Рэб постелил покрывало Бубке на коробках с продуктами, а сам лег на пол за сиденьями в обнимку с «Тигром» и не заметил, как уснул. Среди ночи, сквозь сон, он слышал, как кто-то помочился на колесо «бардака», кто-то постучал и поинтересовался, есть ли кто внутри. Под утро рядом с ними затеяли драку: кричали мужики, визжали женщины. Потом кто-то остановил драку, и, судя по частым ударам и быстро наступающему затишью, делал он это весьма эффективно.

Разбудили Рэба стуком в броню. Сквозь триплексы пробивались лучи солнца.

– Подъем, черти ленивые! Пора и честь знать!

Рэб открыл люк и выбрался наружу. Рядом с «бардаком» стояли Шторм и еще пара ребят, которых прежде Рэб не видел.

– Готов идти в рейд? – с вызовом спросил Шторм, будто не был уверен в том, что Рэб согласится.

– Я – как пионер: всегда готов. Вон, пушку ваши умельцы вставили, пристреляли; патронов дадите – и в путь.

– Дадим. Вместе пойдем получать. Это вам в экипаж стрелок, который на «ты» с любимым пулеметом. Зовут Квазирогом, прошу любить и жаловать. – Шторм подтолкнул одного из мужчин вперед.

Квазирог пожал руку Рэбу и снова представился.

– Квази-рог, – отдельно произнес он свое имя.

– Рэб, – коротко произнес свое имя Рэб.

– Вас же двое? – спросил Квазирог.

– Бубка еще ребенок, спит.

– Так, пятнадцать минут на приготовление: пожрать, посрать, получить патроны. Ясно? –

Шторм изобразил из себя строгого командира.

– Ясно, – без энтузиазма ответил Рэб.

Шторм и оставшийся напарник ушли.

– Залазь, оглядись. – Рэб предложил Квазирогу осмотреться в его машине.

– Ага. – Квазирог пробрался внутрь через тесный люк, с непривычки приложившись о проем головой. – Ах, ты, теснотища!

Однако внутри «бардака» было совсем не тесно. Бубка открыл глаза, сел и странно посмотрел на Рэба. Тот не понял его взгляда.

– Живец с утра. – Рэб протянул мальчишке «шейкер».

– Ты обещал на коньяке.

– Я? – Рэб замер, вспоминая обстоятельства своего обещания. – Так это сегодня, что ли?

У тебя денюха сегодня?

Бубка закивал. Рэб звучно шлепнул себя ладонью по лбу.

– Прости, блин, я забыл! Я ж не привык... у меня ж никогда... эй, как тебя... прости...

– Квази-рог, – снова отдельно произнес новый напарник. – Не козерог.

– Прости, Квазирог, у вас тут можно купить что-нибудь ребенку на день рождения?

– Я слышал, он хочет коньяк?

– Не, пока без коньяка; торт можно купить.

– Торт? – заржал Квазирог. – У нас тут нет кондитерского цеха. Кто их тут купит?

– Эта... Варвара, на том конце живет. Сказала, что у вас тут быстрый кластер с магазином есть. Там торты не продаются?

– Ты знаешь, я никогда не задумывался об этом. Будь там магазин тортов, я бы точно не знал о нем, даже если бы мне о нем сказали. Такая инфа мимо ушей проходит.

– Хорошо, где у вас тут магаз, пойду бартер сделаю. – Рэб вынул пять бутылок водки, твердо намереваясь сменить их на что-то такое, чтобы первый день рождения в Улье запомнился Бубке навсегда.

– Так я думаю, за одну бутылку водки дадут пять тортов, а не наоборот, – заметил Квазирог.

Он подвел Рэба к двери с надписью «Сельпо». Рэб потянул тугую дверь, возвращающуюся обратно мощной пружиной. Внутри оказался ни дать ни взять натуральный сельский магазин: прилавок, покрытый скатертью, и стрелочные весы с гирьками.

– Я хочу обменять водку на торт, если есть. Если нет, то предложите что-нибудь для ребенка восьми лет (в смысле, уже девяти) в подарок.

– Торты бывают, но без холодильника не хранятся. Вафельный могу предложить, в шоколаде с орехами. Три штуки за бутылку водки.

– Идет. А что на остальные?

– Лимонад, кола, квас?

– Жопа слипнется. Чай давай хороший, молоко топленое, сгущенку, шпроты, огурцы соленые и хлеб. Есть?

– Есть, только хлеб позавчерашний.

– Да и пес с ним! – Рэб поставил на прилавок все пять бутылок.

Продавщица быстро собрала в пакет все, что просил Рэб.

– Аревуар, красотка! – Рэб остался доволен обменом.

Вернувшись к «бардаку», он увидел Квазирога, заправляющего ленту в пулемет.

– Получил патроны?

– Всего двадцать пять штук дали, жмоты.

– Двадцать пять? – удивился Рэб. – Это на пулемет?

– Они сказали, что это оружие для ювелирной работы – поражения высокоразвитых мутантов, которых мало.

– Рэб, к нашему оружию тоже патроны дали. – Бубка показал два пакета с патронами под СКС и «Тигр». – По тридцать штук на каждую.

– М-да, на двадцать секунд боя должно хватить, – мрачно пошутил Рэб, но затем просветлел лицом. – С днем рождения тебя! – нараспев произнес он и протянул Бубке пакет с гостинцами. – Желаю тебе здоровья, успехов и... и... – Рэб был не силен в поздравлениях.

– И умение крутое, как у того мужика. Ух, ты ж! – Бубка обрадовался дешевому вафельному торту.

Открыл его, откусил большой кусок, не поместившийся во рту полностью, и захрустел.

– Квазирог, а мы что, скоро выезжаем? – спросил Рэб у нового напарника.

– Зная Шторма, – Квазирог понизил голос, – еще два часа собираться будем.

– Ну, тогда я накрою стол.

Рэб, как умел, наделал бутербродов со шпротами и солеными огурцами на хлебе, заварил чай и перед застольем налил в кружки по глотку живца для аппетита.

– Ну, Бубка, желаю, чтобы у тебя все было!

Экипаж «бардака» выпил и закусил. Бубка был неподдельно счастлив, по-детски не умея скрывать эмоции. Он налегал на бутерброды, как будто их готовили в ресторане с тремя звездами «Мишлен». Рэб смотрел на него и думал о том, какой же должна быть семья у ребенка, чтобы через три дня после ее потери не вспоминать о ней совсем.

Как и предполагал Квазирог, колонна выехала в рейд через два часа. Хорошо, что топливо в «бардак» залили казенное. Рэб хотел иметь неприкосновенный запас из ста литров – на тот случай, если планы изменятся.

– Это же колхоз, – отрекомендовал стаб Квазирог. – Здесь никто никуда не торопится.

В этот раз во главе колонны встал легкий пикап, переделанный из небольшого полноприводного внедорожника. Он уходил на расстояние от колонны, потом ждал ее и снова удалялся. Тактика была так себе, по мнению Рэба, но тут был свой Устав, и он не хотел лезть в него со своими рекомендациями.

Квазирог вертел башней броневика во все стороны. Иногда он замирал, напоминая давнего товарища Рэба Пирата, тоже замиравшего перед выстрелом. Пират, несмотря на единственный глаз, был отличным стрелком. Хотелось верить, что Квазирог стреляет не хуже.

– Слушай, Квазирог, почему тебе дали такое имя? На кваза ты не похож? – не оборачиваясь, спросил Рэб.

– «Квази» – это значит «подобный», а Рог – это имя стрелка, до результатов которого удалось дотянуться только мне. Был тут умник, который назвал меня подобным Рогу. Ляпнул для смеху, но имя прилипло. А умника того сожрали. До этого меня звали Каракуртом – я сам себе имя придумал, но не прижилось.

– Ты знаешь, куда мы едем? – поинтересовался Рэб, предполагая, что маршрут был типичным.

– Куда-куда! Петляем, как зайцы, чтобы не встретиться с этими... не знаю кем. Мы теперь охотимся по остаточному принципу: доедаем объедки с барского стола.

– Да, я слышал, что какие-то люди Миража объявились.

– Знаешь, тут как-то к нам бедолагу занесло. Их стаб вырезали какие-то отморозки, только за то, что они пальнули предупредительным поперх машин. Они тоже называли себя людьми Миража, хотя за день до этого к ним заезжали другие, нормальные парни, которые тоже себя называли людьми Миража. Кто из них кто на самом деле, неизвестно. Наш Председатель не горит желанием меряться силами и очень надеется на сотрудничество, каким бы тяжелым оно для нас ни оказалось.

– Понимаю. Мы сами однажды бежали всем поселком куда глаза глядят.

– То-то и оно! Меряться с ними силами – себе дороже.

Рэб считал, что в Улье всегда будут силы, которые управляются извне, чтобы людям никогда не жилось спокойно. Понятие «определенность в будущем» для Улья не подходило вообще. Любые союзы и договоренности разрушались неведь откуда взявшимися организациями, будто намеренно разрушающими любой намек на стабильность. Что в этой истории Рэба напрягало больше всего, так это намеренное авторство, больше смахивающее на провокацию, чем на желание заявить о себе.

Колонна свернула в лес. Местность показалась Рэбу знакомой, а когда они вынырнули из леса, то Рэб сразу же признал в кластере Оренбург – город, в котором он провел два года жизни. Только заехали они в него с другого конца.

– О! Мой город! – обрадовался Бубка, признав знакомые места.

– Да, когда-то отсюда хорошо кормились, и продукты, и мутантов крошили здесь. Я даже на очереди за черной жемчужиной стоял. Кстати... – Квазирог отлип от прицела и опустил голову в салон. – В последнюю его загрузку случилась какая-то хрень, кто-то побил мутантов в округе, а еще после перезагрузки город был почти пустым, будто люди знали, что кластер провалится в Улей. Ты, пацан, знаешь, куда делись люди?

Глаза Бубки забегали. Он-то знал ответ, но не знал, что можно сказать. Рэб напрягся.

– У нас бомбы заложили, обещали взорвать. Нам приказали эваку... эку... Блин, нам сказали уезжать.

– Да? – удивился Квазирог. – Террористы, что ли?

– Угу.

– Черт, нигде спокойствия не стало – ни там, ни тут!

– Всем – максимальное внимание! – прохрипела рация приказ Шторма. – На мелочь охотимся из стрелковки, «крупняк» – для пулеметов. Пустышей и прочую мелочь – только тараном.

Как только колонна заехала в город, сразу показались зараженные: кто еще в штанах, полных «добра», кто уже без них. Пустыши вяло реагировали на раздражитель. Они сонно поворачивались на звук и не спеша топали в его сторону. Более везучие, набравшие за несколько дней силу, срывались с места и пытались догнать колонну.

Рэб старался не давить мутантов: они были еще слишком похожи на людей, чтобы без нужды переезжать их колесами.

– На рынок едем, – сообщил Квазирог. – Самое грибное место.

Рэб часто бывал на рынке. Ему нравился ностальгический вид открытых рядов, шум и запах базара. Здесь пекли здоровенные чебуреки. Двумя такими можно было запросто наесться. Завсегдатаи рынка покупали их вместе с пивом и поедали на улице за высокими столиками, напоминая о советских временах.

Колонна остановилась перед поворотом с Жукова на Богдана Хмельницкого. В конце улицы виднелись ворота рынка.

– Рэб, ездай первым! – приказал Шторм.

– Хорошо, – ответил Рэб и прикрыл окна бронешитками. – Первым так первым.

Шум двигателя в пустом городе отражался от стен домов и даже усиливался. Все окрестные мутанты должны были знать о том, что в город пожаловали гости.

Квазирог неожиданно выстрелил. Рэб и Бубка вздрогнули. Звук выстрела был не таким громким, как ожидалось. Квазирог выстрелил еще раз. Гильза звонко ударилась о броню.

– Чего там? – раздался голос Шторма.

– Дай рацию, – попросил Квазирог. Рэб передал ему. – Шторм, между домами молодой топтун.

Колонна разделилась. Один автомобиль двинулся к тому месту, где подстрелили мутанта. Из машины выскочил «мясник» с ножом в руках. Он добил агонизирующую тварь и собрал «урожай» из ее споровой сумки. Едва он вернулся в машину, как проход между домами наполнился медленными пустышами. На них никто не обратил внимания и уж тем более не стал тратить патроны.

Шторм отдал приказ двигаться вперед. Колонна во главе с «бардаком» подошла к закрытым кованым воротам рынка с надписью «Восточные ворота».

– Рэб, снеси ворота! – приказал Шторм.

– Хорошо, – ответил Рэб и отключил рацию. – А как же вы без меня-то раньше проезжали?

– А раньше ворота всегда были открыты.

– Да, точно, в понедельник рынок не работал, – произнес Рэб негромко.

– А ты что, из этих мест? – Квазирог услышал его.

– Да, гостил у бабушки. – Рэб не нашел более разумного объяснения.

«Бардак» без усилий снес ворота и бетонные колонны, на которые они опирались.

– В круг! – Шторм приказал занять круговую оборону на входе.

– Сегодня все не так, – заметил Квазирог. – Тут должно быть полно мутантов. Охренеть! Попали в понедельник. И сколько раз теперь будет по понедельникам выкидывать?

– Да уж, «видно, в понедельник их мама родила». – Рэб приподнял бронешитки, чтобы оглядеть знакомые места.

В Улье они смотрелись иначе, сиротливо затихшие из-за страха потревожить страшный мир. Рэб только собрался спросить у Квазирога дальнейший план действий, как вдруг в его лобовое стекло громко ударила пуля. Бронированное стекло выдержало удар, но растрескалось. В ушах зазвенело. Рэб резко опустил щитки на окна.

– Откуда это? – спросил он.

Квазирог закрутил башней. С крыши офис-центра сверкнула вспышка выстрела, и тут же пуля ударила в борт «бардака». Тонкая броня не выдержала попадания тяжелой и быстрой пули. В салон влетели искры, осколки брони и пули. Квазирог вскрикнул и схватился за бок. Из-под его пальцев сразу же потекла кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.